

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

КВАДРАТ

Annotation

Один плохой полицейский.
Один мёртвый полицейский.
Одна неделя, чтобы спасти весь мир.

Аннотация от ЛитРес

«Квази» — это история о борьбе человечества с живыми мертвецами за существование. На стороне людей сражается новый вид существ — зомби-разумный. Но кто они, эти мутанты с голубой кожей? Друзья или враги? Что сулит миру их появление?

Сергей Лукьяненко
КВАЗИ

Глава первая

Дознание и наказание

Симпатичный был двор, чистенький и ухоженный. Новенькая детская площадка с мягким покрытием под горками и качелями, клумбы с обилием цветов, декоративный прудик, скамейки под старыми зелёными деревьями, в углу двора оборудовано место для курения: пластиковая будка, закрытая с трёх сторон от ветра. Неужели жильцы и впрямь ходят туда курить, с балконов и подъездов? Особенно зимой? Да не поверю!

Но по всему выходило — жить в доме с таким двором должны добрые, весёлые люди. На площадке с качелями должна звонко галдеть детвора, на лавочках судачить о своём, вечном, старики, а посреди двора сидеть, умываясь, толстая рыжая кошка.

Ладно, не обязательно рыжая. Пусть будет чёрная.

— Звук был нехороший, — сказала консьержка.

— Нехороший — это какой? — уточнил я. — «Уэ-уэ-ээ?»

Консьержка вздрогнула. Невысокая, крепко сбитая — такие не склонны к пустым истерикам. Да и возраста ей было за сорок, и, судя по всему, она много чего повидала.

— Нет, не настолько нехороший, — сказала она. — Бум!

— Бум? — Я посмотрел на неё с иронией.

Консьержка надула щеки и выдохнула:

— Пух!

Это и впрямь немного походило на выстрел.

— Откуда слышали? — спросил я.

— Из окна донеслось. — Консьержка показала вверх, на балкон третьего этажа. Балконная дверь была открыта. — Я тут, у ограды... — Она замялась.

— Курили, — кивнул я.

— Нам нельзя далеко от подъезда отходить, — стала оправдываться консьержка. — Я тут стояла, тихо было, и вдруг — «пух»! Я поднялась. Это профессора квартира...

Что-то у неё дрогнуло в лице при этих словах. Ничего криминального, пожалуй. Либо интрижка, но вряд ли «профессор» будет крутить роман с немолодой и некрасивой прислугой. Либо просто неприязнь. К профессору? Нет... но как-то с ним связано...

Ладно, отложим на потом.

— Не открывает?

Консьержка замотала головой:

— Не открывает! А он на работу не уходил. Жена... ушла с утра, а он остался.

Ага. Понятно. Жену профессора она не любит. Что ж, это бывает.

— Жена ушла до «бум-пух»? — спросил я.

— До, — с явным сожалением признала консьержка.

— И кто там с ним ещё остался?

— Никого.

Версия у меня уже вырисовывалась. Очень неприятная версия.

— Итак... подозрительный звук вы услышали... — я посмотрел на часы, — сорок семь минут назад.

— Много, — вздохнула консьержка.

— Виктор Аристархович? — уточнил я.

— Виктор Аристархович, — кивнула консьержка, и лицо у неё стало совсем уж страдающим. — Квартира двадцать четыре.

Похоже, у консьержки уже сложилось своё мнение о произошедшем. А я привык доверять мнению таких женщин, что ещё в лес за грибами-ягодами ездили.

— Будьте внизу, — сказал я. — И если что... позвоните.

Она кивнула и спросила:

— Может, дворника позвать?

— Позовите, — разрешил я, вошёл в подъезд и стал подниматься по лестнице. Этаж невысокий, обойдёмся без лифта, зато проверим обстановку.

Подъезд был хороший, как и дом. Все чисто, на подоконниках цветы, никакой грязи, никаких окурков и граффити на стенах. Живут приличные люди, и детей хорошо воспитывают... хотя нет, вот одна, пусть и закрашенная, но проступающая надпись на стене: «КВАЗИ — МРАЗИ!»

С содержанием я был согласен, но все-таки портить стены нехорошо.

Дверь двадцать четвертой квартиры тоже была приятной. Металлическая, конечно, но облицованная снаружи деревянным шпоном. Два замка. Глазок. Все как положено.

Если честно, то у меня уже было достаточно информации, чтобы вызвать команду зачистки. Но то, что случится после её приезда, меня не устраивало.

Я снял с пояса рацию.

— Денис Симонов, дознаватель смертных дел. Нахожусь на вызове, адрес — Последний переулок, дом два, двадцать четвертая квартира. Мне кажется, что я слышу слабые стоны и призывы о помощи! — громко сообщил я, прижав тангенту. — Принимаю меры по проникновению в квартиру.

Прежде чем опомнившийся диспетчер успел что-то сказать, я вернул рацию на пояс и достал пистолет.

Нет ничего нелепее, чем пытаться выбить пулей замок. Результатом может стать то, что дверь намертво заклинит. Или то, что пуля от ricochet тебе в голову. Но выбора у меня... выбора у меня...

Я секунду всматривался в дверь. Потом толкнул её стволом.

Дверь плавно открылась. Она была не заперта, просто аккуратно притворена.

Повезло. Очень интеллигентный был человек Виктор Аристархович. Оставить дверь открытой, когда собираешься застрелиться, — это очень, очень культурный поступок.

— Виктор Аристархович! — на всякий случай крикнул я в полутёмную квартиру. — У вас дверь открыта! Можно войти?

Тишина.

Да, видимо, консьержка все правильно услышала, а моя догадка верна.

Я вошёл, держа пистолет перед собой. Налево... направо... в прихожей чисто. Кстати, на самом деле очень чисто, все на своих местах. То ли жена у профессора чистюля, то ли хорошая домработница. Ставлю на домработницу.

Из прихожей вело несколько дверей.

Одна в туалет. Чисто.

Другая по коридорчику в кухню. Тоже чисто, только пахнет горелым кофе. Электрическая плита была хорошей, отключилась сама, но кофейник потемнел и пластиковая ручка слегка оплавилась.

Ну, теперь-то уж никаких сомнений.

Из кухни шла вторая дверь — в гостиную. Я осторожно заглянул туда. Шторы задёрнуты, полумрак.

Но — чисто.

Поворачиваясь налево-направо и прислушиваясь, я двинулся через гостиную. Беззвучно работал телевизор на новостном канале. Дверь в коридор, ещё один туалет (чисто), дверь в спальню — чисто. Маленький холл, оттуда дверь в прихожую и ещё две двери. Какая затейливая планировка, можно кругами бегать, в казаки-разбойники играть. Ненавижу такие квартиры.

Дверь... Ещё одна спальня. Детская? Нет, взрослая. Супруги предпочитали ночевать в разных спальнях? Тоже мне, аристократы хреновы...

Ну и последняя дверь...

Ещё не открыв её, я почувствовал запах — слабый смешанный запах пороха, крови и чего-то остро-пряного. Очень хорошо знакомый мне запах.

Я перебросил пистолет в левую руку, правой вытащил из ножен мачете. И толкнул дверь ногой.

Тут было посветлее, зато кровью и дерьмом воняло чудовищно.

Профессор Виктор Аристархович стоял у раскрытой двери на балкон, рядом с внушительным, но опрокинутым креслом, слегка пошатываясь и подёргивая склонённой на плечо головой. У всех у них головы поначалу держатся неустойчиво, что прямо-таки намекает и провоцирует. Одет профессор был простецки — старые мятые штаны и синяя клетчатая рубашка, на спине порванная и тёмная от крови. При моём появлении профессор начал медленно поворачиваться.

— Что ж ты в сердце себе стрелял, дурик, — приближаясь к нему, сказал я. — В башку надо было. И мне работы меньше, и сам бы не мучился.

Профессор, конечно же, не ответил. Если он и мучился, то сейчас никаких эмоций на бледном сером лице не осталось. Ну, кроме голода, конечно. Запавшие мутные глаза сфокусировались на мне, окровавленный рот жадно оскалился. Я почему-то представлял Виктора Аристарховича пожилым, но он умер совсем молодым, не больше сорока. Увидев меня, профессор негромко застонал: «Уэ-э-ээу» — и попытался пройти прямо сквозь стол. Стол был крепкий, массивный, с кожаной столешницей и тяжеленными тумбами по бокам. Разумеется, профессор пройти не смог, но продолжал упорно топтаться на месте, протянув ко мне руки.

Поначалу они тупы как дерево.

— Ничего не поделаешь, ты на меня напал, я вынужден был защищаться, — сообщил я, поднимая пистолет. Что-то меня тревожило. Что-то здесь не так...

— Уууу-эээ! — тоскливо взвыл профессор, будто его мёртвый мозг был способен сообразить, что приближается настоящая и окончательная смерть. Окровавленный рот раскрылся ещё шире.

Окровавленный!

Я рванулся влево, разворачиваясь и гадая, что в меня сейчас вцепится — пальцы или зубы.

Но пока все было в порядке.

Второй действительно оказался тут. Пожёванный, истерзанный, окровавленный мужчина лет тридцати, мой ровесник. Горло у него было перегрызено, рубашка порвана и

живот поеден. Мужчина ворочался в луже темной крови, сучил ногами, елозил по скользкому паркету руками и неотрывно следил за мной. Потом его рот с томительной неизбежностью открылся, и мужчина провыл:

— Эу-эу-уэ!

Вовремя я вошёл. Он только собирался встать. Так что же получается — профессор был не один... выстрел пришёлся ему в сердце... а вот и пистолет на полу, в крови.

Какая-то ерунда получается.

Убийца застрелил профессора и стал дожидаться, пока тот восстанет и загрызёт его?

Кажется, случилось когда-то где-то что-то подобное на почве страсти.

— Теперь уж совсем без вариантов, — сообщил я профессору, подходя ближе к столу. Виктор Аристархович засуетился, опустил одну руку и принялся скрести ею о столешницу, будто подгребая ко мне.

Я размахнулся и одним ударом мачете снёс ему голову.

Повернулся и направился к мужчине, уже вставшему на четвереньки. Очень удобно, если честно.

— У-у-э? — протянул мужчина.

Я примерился и отрубил голову и ему.

Вот и все.

Мир стал чище.

Хотя уборку в кабинете придётся делать капитальную. Хорошо, что ковров нет.

Я спрятал пистолет и снова взял рацию — она уже вторую минуту вибрировала на поясе.

И услышал шорох за спиной.

Их тут что, трое было?

От растерянности я словно затормозил, повернулся плавно и неспешно.

В балконных дверях стоял, разглядывая учинённое мной побоище, грузный немолодой мужчина в мятом старомодном костюме. Вначале, глядя против света, я принял его за человека.

А потом увидел голубовато-серую кожу.

Это был квази. Это был чёртов квази!

Мгновение мы смотрели друг на друга.

Потом все понеслось очень быстро, как оно и бывает в таких случаях.

Я выпустил рацию и схватился за рукоять пистолета. Квази перепрыгнул через стол, одной рукой схватил меня за запястье правой руки, с мачете, другой рукой — за левое запястье, не давая вытащить пистолет. Мы молча боролись, он был силён, как и положено их породе, но я был слишком зол и напуган, чтобы уступить.

Головой я изо всей силы ударил его в лицо, одновременно коленом — в пах. Квази отпрянул, долю секунды колебался, а потом бросился к балконной двери. Я, упав на одно колено, выпустил две пули ему в спину, но, нажимая на спуск, уже понимал, что промажу.

А квази, не оборачиваясь, перемахнул через перила и полетел вниз.

Когда я выскочил на балкон, квази как раз выбегал со двора. Его грузная фигура мелькнула и исчезла за углом соседнего дома.

Мне хватило ума не стрелять. Ну и, конечно же, не прыгать. Я не квази, чтобы шутя сигать с десятиметровой высоты...

Я посмотрел вниз — там ли консьержка. Но её у подъезда не оказалось.

Проклятье!

— Гражданин следователь! — донеслось от дверей квартиры. — Гражданин следователь, у вас всё в порядке?

— Я не следователь, я дознаватель! — пряча пистолет в кобуру, откликнулся я. — Всё в порядке.

Вернувшись к тому месту, откуда я стрелял в квази, я прикинул угол. Все было в порядке, пули ушли в небо, а не улетели в окна соседних домов. Благослови, Господи, низкую застройку в центре и вколотые в подкорку рефлексы.

— Виктор Аристархович... — тоскливо воскликнула консьержка, оказавшись в дверях кабинета. — Ах, Виктор Аристархович, как же вы так! Зачем же вы так...

Я покосился на неё и решил, что она совершенно искренна. За её спиной маячил дворник — молодой таджик с лопатой в руках. Лопата была штыковая, хорошо наточенная, и я кивнул таджику с одобрением.

— Вы не видели этого, второго? — Я катнул голову носком ботинка.

— Нет! — Консьержка замотала головой. — Нет, нет! Он не входил! Вот как супруга профессора вышла, я всё время на месте была. Никто не входил!

— У вас же есть камера в подъезде? — уточнил я. — Не волнуйтесь, посмотрим, как и что...

— Я его видел, — сказал таджик, сглатывая. Русский язык у него был чистый, видимо, вырос парень уже в Москве. — Он рано-рано через двор проходил, я мусорные баки вывозил.

Я снова посмотрел на консьержку.

— Я с семи на смену заступила, — поспешно сказала она. — А ночью сегодня не было сменщицы, но дверь подъезда закрыта, разве что впустил кто из жильцов...

— Вас никто ни в чём не обвиняет, — сказал я. — Разберёмся. А пока покиньте место происшествия.

Только после того как консьержка и дворник, все ещё нёсший лопату наперевес, вышли, я позволил себе снова взять рацию.

* * *

Полицейский участок у нас маленький, потому что мы расположены в центре. Конечно, тут тоже живут люди, да и офисов-магазинов вокруг полно. Но всё-таки с окраинными спальными районами не сравнить. Работы меньше, персонала, соответственно, тоже. Да и те, кто есть, занимаются большей частью ворами и мошенниками.

Зато дознаватель по смертным делам один.

Это я.

— Денис, ты понимаешь, что ты у нас единственный дознаватель по смертным делам? А?

Я посмотрел на начальника участка и кивнул:

— Да, Амина Идрисовна. Я понимаю.

Если начальник полицейского участка женщина — это уже плохо. Если это женщина восточная — совсем ужасно. Не потому, что женщина или восточная женщина чем-то уступает мужчине на такой работе. Нет, не уступает. Но чтобы доказать всем и вся, что ты

можешь командовать несколькими десятками суровых мужиков, женщине (а тем более восточной женщине) приходится долго и старательно всем доказывать, что у неё тоже есть яйца, причём стальные и весом в пуд. А к тому моменту, когда ни у кого вокруг нет в этом и тени сомнений, жёсткость становится привычкой и образом жизни.

— Так какого хрена у тебя, капитан, из двадцати выездов на смертные случаи — тринадцать обезглавленных трупов?

— Это опасная работа, Амина Идрисовна, — очень неудачно сказал я.

— Ах, опасная? — с подозрительным сочувствием воскликнула подполковник Даулетдинова. — Да что ты говоришь? Очень страшно было, да?

Красивая ведь тётка, в самом соку ещё. Муж есть. Трое детей — когда родить-то успела? Интересно, дома тоже она командует? Или дома всё, как положено, муж — господин?

— Амина Идрисовна, я виноват, — вздохнул я. — Ну посудите сами, ничто не предвещало... Консьержка заподозрила, что профессор застрелился. Я тоже так подумал, вошёл, соблюдая осторожность... профессор уже встал, но я только потянулся за сетью, а на меня набросились сзади! И профессор сразу ускорился, вы же знаете, он поел, а они как поедят — быстрые...

— Я вижу, что ты врёшь, — сказала подполковник с презрением. — Хотя не во всё... Ты и впрямь о втором не подозревал. Но ты мог успеть их обездвигить. Не сомневаюсь.

Я вздохнул.

— Ты хороший человек, Денис, — неожиданно сказала Амина Идрисовна, и я напрягся. — Мне очень не хочется тебя увольнять. Но на тебя было уже три заявления от квази.

— Два! — поправил я.

— Три. С тем баскетболистом. С мальчиком, которого сбила машина. И вот сейчас, с профессором и его убийцей.

— Когда успели-то, — пробормотал я, лихорадочно соображая.

— Днём, ты ещё и в участок не успел вернуться. — Начальник нахмурилась, её явно тоже смутила скорость реакции квази. — Там на месте никого не было, когда ты восставших укоротил?

— Ни одной живой души, — ответил я.

— Очень, очень всё плохо, — сказала Амина Идрисовна, прогуливаясь по кабинету. Я сидел, как провинившийся школьник, и следил за ней краем глаза. — Норма окончательной смертности при задержании восставших — двадцать процентов. У тебя шестьдесят пять. Тебя надо увольнять. В лучшем случае — в лучшем, Денис! — могу отправить тебя на бумажную работу. Устроит?

Я молчал. Не стала бы она заводить такой разговор лишь для того, чтобы сообщить об увольнении или переводе. Время не стала бы тратить, будь всё решено.

— И никаких вариантов? — спросил я, не поднимая глаз.

— Будешь работать в паре, как во всех нормальных участках.

Это было неприятно. Но это было меньшее из зол.

— Если так необходимо... — Я вздохнул. — У нас штатное расписание забито, с кем же я буду...

— Это тебя пусть не волнует, — ответила начальник. — К счастью, квази сами предложили вариант. — Она нажала кнопку на селекторе и скомандовала: — Пусть Михаил Иванович войдёт.

Дверь кабинета открылась, и внутрь вошёл, очевидно, Михаил Иванович.

Немолодой, грузный, в старом пиджаке с широкими лацканами.

С кожей серо-голубого оттенка.

Квази.

Тот самый, в которого я стрелял сегодня утром.

У меня внутри всё похолодело.

— Михаил Иванович, познакомьтесь, это Денис Симонов, наш дознаватель по смертным делам, — сказала Амина Идрисовна. — Очень старательный сотрудник.

— Я заметил, — сказал квази, протягивая мне руку. — Михаил Иванович.

Никаких эмоций у него на лице не было. Ну и откуда им там быть, у квази. Ни иронии, ни злости, ни злорадства.

— Михаил Иванович только сегодня прибыл из-за МКАДа, — продолжала Амина Идрисовна. — У него очень хорошие рекомендации, он... Михаил Иванович, вы же были сотрудником правоохранительных органов до... в прошлой... в прошлом?

Приятно видеть, что наша суровая начальница может замяться.

— В прошлой жизни, до смерти, я был участковым, — сказал Михаил Иванович. — В маленьком городке Мышкине, в Ярославской области.

Он так и продолжал стоять с протянутой для рукопожатия рукой, глядя на меня.

— Денис Игоревич! — с нажимом произнесла начальник.

Я встал и протянул квази руку.

— Денис Симонов, капитан, дознаватель смертных дел, — сказал я.

И пожал руку мертвяку, в которого сегодня безуспешно стрелял.

Рука Михаила была крепкой (неудивительно) и горячей (само собой). У квази нормальная температура тела — тридцать семь целых девять десятых градуса. А ещё они в полтора-два раза сильнее среднестатистического человека.

— Я уверен, что мы работаем, — сказал квази. — Зовите меня просто Миша.

— Непременно, — ответил я и улыбнулся. — Зовите меня просто Дениска.

Мы смотрели друг на друга, крепко сжав ладони.

— Очень мило, — с сомнением сказала начальник. — Я рада. Тогда, возможно, вы закончите дело, которым с утра занимался Денис? В качестве вживания в обстановку... простите, Михаил Иванович!

— Ничего страшного, — ответил квази, не поворачиваясь к ней. — У меня нет предубеждений к слову «жизнь». Это ведь только слово. Пойдёмте, Дениска?

— Пойдём, Мишка! — сказал я.

И так, держась за руки, мы вышли из кабинета нашей суровой восточной начальницы. Я широко улыбался, Михаил смотрел на меня.

В коридоре участка никого не было.

Мы отошли от дверей на два шага и остановились.

— Ну? — просто спросил квази.

— Если ты хоть кому-то скажешь хоть единое слово... — прошептал я.

Увы, он ждал продолжения. Пришлось продолжить.

— Я тебя зарюю, нежить.

— Мёртвого не так легко убить, юноша, — сказал Михаил Иванович, старый квази, только утром приехавший в Москву из земель мёртвых.

— Я умею, — сообщил я.

Он пожал плечами.

А в следующую секунду я оказался прижатым к стене, и ноги мои не доставали до пола с полметра. Старый мёртвый участковый держал меня одной рукой, сгребя в кулак форму так, что затрещали лацканы, а от рубашки полетели пуговицы.

— Убить квази — это тебе не детей несмышлёных обезглавить, Денис, — холодно сказал он.

Впрочем, холод мне, конечно, только почудился. Не умеют мёртвые ни любить, ни ненавидеть.

— Вниз посмотри! — прохрипел я.

Он опустил взгляд.

Дуло моего пистолета почти упиралось ему в подбородок, а палец лежал на спусковом крючке.

— Третий раз я не промахнусь, — сказал я.

— Скорее всего, — согласился квази.

И разжал руку.

Я рухнул, больно стукнувшись пятками и едва не прикусив язык. Зато устоял. И даже пистолет держал более-менее точно нацеленным.

— У нас есть два варианта, — спокойно сообщил квази. — Первый — я иду обратно и сообщаю подполковнику Даулетдиновой, что сегодня утром наблюдал, как ты без всякой необходимости обезглавил двух восставших, вместо того чтобы обездвигить их и передать нам для возрождения. Ты убил двух потенциально разумных существ, капитан.

— Это надо доказать, — прошептал я.

— Квази не лгут, и это всем известно, — сказал Михаил Иванович. — Второй вариант — мы отбрасываем взаимные предрассудки и неприязнь, после чего начинаем...

— Жить заново? — вставил я максимально язвительно.

— Я хотел сказать — работать с чистого листа, — ответил квази. — Но твой вариант тоже годится, спасибо.

Он замолчал.

Я тоже заговорил не сразу.

— Сколько вам лет, Михаил?

— Можно просто Миша. Я умер в две тысячи семнадцатом, мне было шестьдесят четыре года. Возвысился я очень быстро, буквально через неделю. Так что, если отсчитывать от человеческого рождения, мне семьдесят четыре.

— Так вы из самых первых, Михаил?

Он кивнул. И продолжил ждать.

— Мне тридцать лет, — сказал я. — Когда всё началось, я был двадцатилетним сопляком, вокруг которого мир сошёл с ума. И я видел... много чего видел. Я вас ненавижу. Что восставших, что возвысившихся. Все вы одна порода — нежить.

Михаил Иванович продолжал стоять и смотреть мне в глаза.

— Это чтобы не было недопониманий, — уточнил я.

— Так какой вариант мы выберем? — терпеливо спросил квази.

— Не надо тревожить подполковника, — сказал я. — Она хорошая тётка.

— Полагаю, мы сработаемся, — сказал мёртвый участковый. — Работа в паре даёт массу способов для достижения взаимопонимания.

Я кивнул.

Работа в паре даёт ещё и массу способов для убийства партнёра.
Но этого я, конечно же, говорить не стал.

— Мы вместе. Мы справимся, — сказала Ольга. — Обязательно. Дениска!

Я смотрел на неё не отрываясь. Голова плыла, и не от удара — от безумия происходящего. Хотелось сидеть на месте и не двигаться...

Ольга размахнулась и дала мне пощёчину.

Почему-то я закашлялся. Потом потёр лицо и сказал:

— Дожили. Год как поженились, а жена уже бьёт меня...

— Ты как? — спросила Ольга.

— Ничего. Уже ничего, — сказал я, встал с пола и осторожно выглянул в окно.

На улице было пусто.

Тогда я повернулся и посмотрел на то, что лежало на полу.

Проще всего было сказать «посмотрел на труп человека, которому моя жена кухонным ножом отрезала голову».

Но это было бы не совсем верно. Мертвецом этот молодой парень, наш ровесник, был и раньше. Вот только труп шёл к нам, издавая какие-то невнятные булькающие звуки, то ли завывая шёпотом, то ли постанывая. Глаза у него были пустые, но следили за нами. Ноги разъезжались, но он не падал. Половина лица у него была не то разбита, не то объедена... даже не хочется думать кем.

Но когда я бросился к нему и попытался оттолкнуть, восставший мертвец одним ударом сбил меня на пол. И пока я лежал, слегка оглушённый, он начал наклоняться надо мной...

Вот тут-то Ольга его и убила окончательно. Схватила сзади за волосы, запрокинула голову назад — и несколькими движениями отрезала голову. Тем самым здоровенным острым ножом, что забрала утром на кухне ресторана. Из перерезанного горла прямо на моё лицо потекла какая-то густая жижа, похожая на почти свернувшуюся кровь...

— Как ты думаешь, не заражусь? — вытирая лицо полотенцем, спросил я.

Ольга пожала плечами. Кто мог ответить на этот вопрос? Да никто.

— Ты его... резко так. — Я понял, что не могу сказать «убила».

— Я с пяти лет на охоту с отцом ходила.

— Но там звери.

— И это не человек.

— Стыдно, — сказал я. — Я должен быть защитником, а не ты...

— Дениска, ты всё сделал правильно. Нож был у меня. Ты его отвлёк, я его прикончила.

Мы вместе. Вдвоём мы справимся.

Я смотрел на Ольгу и думал про то, что не знал свою жену по-настоящему. Говорил мне отец: «Когда женишься до двадцати, то женишься не на женщине, а на своих фантазиях».

Но знаете что?

Эта женщина оказалась лучше моих фантазий.

— Мы справимся, — сказал я и улыбнулся. — Мы банда!

Ольга тоже улыбнулась и сразу посерьёзна.

— Денис, обещаю тебе одну вещь. Если меня укусят, или что-то ещё... Ты меня убьёшь. Ладно? Чтобы я не превратилась вот в такое...

Я ответил не сразу, и она продолжила:

— Я тебе это обещаю.

Сглотнув вставший в горле ком, я кивнул:

— И я обещаю. Но мы выберемся. До Москвы недалеко. По радио говорят, что за МКАДом всё спокойно.

— Обязательно выберемся, — кивнула Ольга. — Ради него.

Мы посмотрели на кровать.

Сын спал крепким младенческим сном.

Народ у нас в отделении сдержанный. Про Михаила все уже знали и все старательно делали вид, что ничего особенного не происходит.

Впрочем, что тут особенного?

Мало ли в Москве квази? Тысяч пятьдесят, пожалуй. Большинство живут в своих районах, на Юго-Западе и на Люберецких Полях, но и среди людей их много. Да и в тех случаях, когда мне не удавалось убить восставших, а приходилось привозить их в отделение, за ними приезжали квази.

Я даже здоровался с ними. Даже жал руки. Надо соответствовать высоким стандартам московской полиции. Мы выше предрассудков, мы выше гендерного, расового или витального неравенства.

Но работать в паре с квази!

— Денис, давайте определимся, как мы друг друга зовём, — сказал Михаил.

— Давайте, — идя через участок и кивая встречным, ответил я. — Например, я буду вас звать Геной.

— Почему Геной? — искренне поразился Михаил.

— Ну вы же предлагаете выбрать друг другу какие-то прозвища, позывные? Вы будете Геной, я — Чебурашкой.

— Я предлагаю решить, на «ты» или на «вы» мы разговариваем, — терпеливо пояснил Михаил.

— А... — протянул я. — Вы старше, надо бы к вам обращаться по имени-отчеству. Но мы же теперь партнёры, это может быть неудобно в рабочей обстановке. А кто вы по званию?

— У нас нет полиции в вашем понимании, — сказал Михаил. — И званий нет. Я — личный инспектор Представителя.

— О! — потихоньку ускоряя шаг, сказал я. Не нравилось мне, как на меня поглядывали сослуживцы. Слишком много плохо скрытой иронии. Ни для кого в участке моё отношение к восставшим и квази не секрет, много будет сегодня разговоров... — Так вы птица высокого полёта, Михаил! Но звания у вас нет, как же вы будете...

— Я был майором полиции и формально остаюсь в этом звании, — сказал Михаил. — Вас устроит такой вариант, капитан Симонов?

Ну надо же! Если это и не эмоции, то что-то максимально к ним близкое.

— Устроит, Миша! — воскликнул я, останавливаясь и кладя руку на плечо квази. — Будем на «ты»!

Торжествовал я всего секунду. Михаил кивнул и похлопал по плечу меня.

— Замечательно. Я на это и рассчитывал, Денис.

Он меня подловил! Этот кусок тухлого мяса понял, что я выберу любой вариант,

который не выберет он... и подловил меня. Как ребёнка, которому говорят «нет-нет, не надо идти спать!». Как собачку, которой протягивают таблетку — потом отдёргивают руку, потом снова протягивают, потом снова отдёргивают... пока глупая собака не хватает и не проглатывает горькое лекарство.

— Только не бросай меня в терновый куст, — сказал я. — М-да.

Мы вышли из участка, я молча направился к своей машине, квази так же молча обошёл её и сел на переднее сиденье.

— Что предлагаешь делать, партнёр? — спросил я дружелюбно.

— Продолжать расследование смерти профессора Виктора Аристарховича Томилина.

— Причина смерти — отсечение головы, произведённое дознавателем Денисом Симоновым, — ответил я.

— Я говорю о первой смерти.

Вздыхнув, я завёл мотор и сказал:

— Он был застрелен грабителем. Квартира богатая... сам видел. Грабителя видел дворник, и его записали камеры наблюдения. Очевидно, грабитель дожидался в подъезде, пока жильцы уйдут, но не заметил, что вышла лишь жена Томилина. Он вскрыл дверь, вошёл, наткнулся на хозяина и выстрелил. Но грабитель просчитался, профессор восстал очень быстро и покарал своего убийцу.

— Как быстро восстал профессор?

— Быстро. Двадцать пять минут, минимальный срок, в первом классе учат.

— Верно. И грабитель, прекрасно знающий, что жертва может восстать, полчаса рылся в вещах? Подпустил к себе медленного, голодного восставшего? После чего, погибнув, тоже восстал за минимальный срок, как раз к твоему приходу?

— Маловероятно — не значит невозможно, — упрямо сказал я.

Квази даже не стал ничего отвечать в ответ на такую очевидную глупость.

Я вздохнул и выехал со стоянки. Москва, конечно, нынче не так забита автомобилями, как раньше. Скажем прямо — на дорогах просторно. И бензин дорог, и места для двадцати миллионов человек внутри МКАДа не так много, чтобы позволять всем ездить на личном транспорте.

И все же в Пушкинском переулке оказался небольшой затор, сквозь который мы и поползли к Трубной, чтобы развернуться к Сретенке.

— Я не столь хорошо знаю Москву, — неожиданно сказал квази, — но мне кажется, что от участка до места преступления — одна минута пешком. Может быть, две. Куда ты собрался ехать?

— На работу к его жене. То есть вдове. Минут за двадцать доедем, — ответил я.

— Зачем?

— Её оповестили о смерти мужа, но она сказала, что не сможет вернуться раньше окончания рабочего дня. Довольно странное поведение, верно?

Михаил удовлетворённо хмыкнул. Мы выехали на Сретенку, и он спросил:

— А ты уже знаешь, о чем хочешь её спросить?

— Есть мысли, — уклончиво ответил я. — А пока лучше ответь ты, Михаил.

Квази вздохнул:

— Ценю твою сдержанность. Я ждал, когда ты спросишь.

— Считаю, что спросил.

— Я прибыл в этот дом, потому что у нас имелась информация о готовящемся

преступлении.

Вот как! Нет, понятно, что совпадений не бывает, а значит, одно из двух — либо сам Михаил убийца, либо он знал о возможном убийстве. Но приятно, что хоть в этом он не темнит.

— Откуда информация?

— Информатор пожелал остаться неизвестным, — быстро сказал Михаил.

Ясно. Врать квази не умеют, но уклоняться от вопросов могут запросто.

— Но ты ему... или ей... доверяешь?

— Доверяю всецело и абсолютно, — сказал Михаил с какой-то даже торжественностью в голосе. — Информация была верна, но я не успел. К сожалению, я не успел...

— А что так?

Михаил вздохнул. Нет, стоп, он не вздохнул, он изобразил вдох! Квази, конечно, тоже дышат, но у них всегда ровное дыхание, лишь при очень больших нагрузках немного учащается.

— Пробка.

— Пробка? — воскликнул я. — Никаких неожиданных встреч, звонков и рукотворных препятствий?

— Увы. Случайность.

— Что-нибудь ещё, что может помочь в поисках убийцы? — спросил я.

Некоторое время Михаил размышлял. Потом покачал головой:

— Нет. Все остальное к этому убийству не относится.

Ответ был уклончивый, но лучше, чем ничего.

Мы ехали по Садовому кольцу, где тоже начиналась традиционная вечерняя пробка. Потихоньку темнело.

Да уж. Пробки, бич больших городов. Пробки убивают. После катастрофы число машин в личном пользовании упало раз в пять. И всё равно пробки остались! Как мы вообще куда-то ехали и доезжали раньше?

— А как там у вас, в Питере? — спросил я.

— У нас пробок нет. Мы редко пользуемся персональными автомобилями.

— Но у вас ведь живут живые.

— Двенадцать с половиной процентов, — кивнул Михаил. — Но они тоже предпочитают метро и велосипеды.

— У вас зима теплее, — буркнул я. Конечно, я видел по телевизору сюжеты из столицы не-живых, все эти толпы квази на велосипедах, аккуратными рядками едущие по Невскому... Но когда говоришь с квази, нормально так говоришь, как с человеком, а потом представляешь толпы мёртвых велосипедистов — то дрожь пробирает от этой картины.

Впереди мелькнула буква «М», и я прижался к обочине. Сказал:

— Пожрать не успел. Будешь?

Михаил помедлил, глядя на меня. Потом кивнул:

— Да. Квази-бургер.

— Знаю.

Я вышел из машины, забежал в «Макдональдс», беззастенчиво махнув удостоверением, пробился сквозь толпу подростков к кассам.

— Чизбургер и квази-бургер. Большую колу, большую воду.

На меня не ворчали, даже молодёжь. Всё-таки за последние десять лет уважение к

полиции и армии сильно возросло. Со своей добычей я вернулся в машину, вручил Михаилу его суррогат, распаковал свой, и мы медленно двинулись в правой полосе.

Я жевал свою котлету с сыром, запихнутую в безвкусную булку, и краем глаза косился на Михаила. Тот ел квази-бургер — лук, зелень, огурцы, помидоры и баклажан. Запихнутые в точно такую же булку, как у меня.

— Тебе никогда не хочется мяса? — спросил я.

— Ты же знаешь, что все квази — вегетарианцы.

— Знаю. Я спрашиваю про желание.

— Мы своё мясо уже съели, — ответил Михаил. Помедлил, потом кивнул: — Да, это прозвучало грубо. Извини. Но мы вегетарианцы, и нам не хочется ни мяса, ни рыбы, ни сыра.

Он снова стал жевать, но когда мы проехали с квартал, внезапно сказал:

— Мне иногда хочется молока. Я попробовал. Вырвало.

— Соевое? — предложил я.

— Гадость. Но я пью его. С искусственным мёдом. Тоже гадость. Я чувствую любые химические примеси. Даже следы фосфатных удобрений на этом листке салата... хотя его долго и хорошо мыли. У себя мы стараемся есть только органически выращенные овощи.

На мгновение мне даже стало его жаль. Но тут он добавил:

— Но при этом отравить меня крайне сложно. Я могу есть человеческие яды ложками, мне они не повредят. И мясо тоже не убьёт. Всего лишь будет отторгнуто.

Отторгнуто... Как деликатно сказано... Я снова покосился на Михаила и спросил:

— А скажи тогда... напарник. Твой дурацкий костюмчик — тот самый, в котором ты возвысился?

Квази оглядел свой пиджак, будто первый раз в жизни. Отряхнул какой-то волосок с лацкана. Сказал:

— Нет. Тот был запачкан и порван. Но в провинции много маленьких городков и много заброшенных магазинов. Я всегда выбираю одно и то же. Это привычка.

— Это не привычка, это косность, — сказал я с неожиданной злостью.

— Косность, — согласился квази. — Мы не способны к развитию, это правда. Я смотрю старые фильмы, читаю старые книги и ношу старую одежду. Плата за возвышение.

— Может, тогда не стоит считать это возвышением? — сворачивая к институту биохимии и паркуя машину, сказал я.

— Возвыситься можно и с самого дна, Денис, — мягко ответил квази. — Если ты какое-то время просуществовал беспмятным кровожадным зверем, то нынешнее состояние становится очень привлекательным. Несмотря на минусы.

Мы вышли из машины. За спиной шумело Садовое, здание института было уже полутёмным, хотя, судя по отдельным светящимся окнам, кто-то ещё работал.

— Не понимаю его жену, — сказал я. — Как можно остаться на работе, зная, что муж погиб?

— Ну ведь она уже ничего не может изменить, — с укором сказал Михаил. — Вот я её вполне понимаю.

Через секунду до меня дошло.

— Чёрт! — воскликнул я. — Чёрт, чёрт, чёрт!

Несмотря на серовато-голубую кожу, женщина была красива. Может быть, потому, что возвышение застало её в самом расцвете сил и красоты — где-то на грани тридцати лет.

Квази, кроме цвета кожи, внешне не отличались от своего человеческого облика и не пользовались косметикой. Так что это была её внешность. Природная.

А вот тёмно-серый брючный костюм, красные туфли и красная блузка, прекрасно гармонирующие с серовато-синей кожей, — это уже её личный вкус.

— Примите мои искренние соболезнования, Виктория... э...

— Андреевна, но это не важно, — ответила женщина-квази. — Просто Виктория.

— Мы предпочитаем короткие имена, — кивнул Михаил.

Они с Викторией обменялись взглядами. Виктория кивнула. Мы сидели в холле, вокруг маленького столика. Институт, к моему удивлению, выглядел не унылым функциональным научным учреждением, а очень не бедным и очень современным. Такие вот уютные уголки отдыха в холлах, с хорошими кофейными автоматами, причём бесплатными, великолепный ремонт, приятные и хорошо подобранные краски, хорошая кожаная мебель, красивые шторы на окнах. Нет, лаборатории тоже выглядели очень современно, но у нас обычно не жалеют денег на аппаратуру, зато на всё остальное не обращают внимания. А тут, похоже, старались создать впечатление домашнего уюта, чтобы сотрудники не стремились уйти с работы.

На стене висела огромная доска объявлений — со старой стенгазетой (такие сохранились почему-то только в научных заведениях), где поздравляли женщин с 8 Марта, с объявлениями от профсоюзного комитета, с предложениями летнего отдыха для семейных сотрудников в Евпатории, с графиком работы секции «Юный биохимик» и прочей ненужной информацией. И впрямь, не институт — а второй дом...

— Вам звонили из отделения... — продолжил я.

— Понимаю, вы удивлены тем, что я не бросила работу и не вернулась домой, — спокойно ответила квази. — Но у нас идёт важный эксперимент, моё присутствие необходимо. Виктору уже ничем не помочь, а он был предан работе и поймёт меня. Уверена.

Я нахмурился. Что она несёт...

— Виктор и Виктория, очень красиво, — неожиданно сказал Михаил. — Вы были женаты до вашего возвышения?

— Нет, мы впервые познакомились уже здесь, в институте, три года назад, — ответила Виктория. — Но вы правы, Виктор считал это знаком. Люди склонны к маленьким суевериям.

— У него были враги? — спросил Михаил.

— Не более чем у любого молодого талантливую учёного. Но это не те враги, которые пускают пулю в сердце. Мне сказали, что его застрелил грабитель?

Михаил кивнул.

— А потом он восстал и убил грабителя? — продолжала Виктория.

— Всё так, — сказал Михаил.

— Можно сказать, что справедливость восторжествовала, — произнесла Виктория. — В этом есть высшая логика. Грабитель хотел его убить, а в результате погиб сам и навсегда.

— Наверное, вы не дослушали сообщение, — предположил я. — Потому что со справедливостью вышло... не очень.

Виктория приподняла одну бровь. Очень человеческим и очень ненатуральным жестом.

— Когда дознаватель вошёл в квартиру, там было уже двое восставших, — сказал я. — Дознаватель был вынужден применить оружие. Они мертвы. Окончательно мертвы. Им отрубили головы.

— Как? — спросила Виктория. И моргнула. Лицо у неё стало глупое, как у обычной

живой женщины.

— Мачете.

— Я не об этом, идиот! — закричала Виктория. — Как, как, как это произошло? Почему это произошло? Это неправильно, так не должно было произойти!

— Преступление не может быть правильным по определению, — сказал Михаил. Виктория мгновенно успокоилась.

— Вы правы. Но это очень печально. И очень несправедливо. Виктор был очень талантливый учёный. Это огромная потеря.

Разумеется, она не выглядела страдающей. Удивительно было то, что она вообще повысила голос и принялась ругаться. Квази, которая любила мужа? Чушь. Она могла его любить после смерти и возвышения только в одном случае — если они были знакомы раньше.

А они не были.

Она могла любить секс. Банально любить секс так, что после смерти и возвышения эта черта её личности стала основной. Квази развиты односторонне — то, что было для тебя главным при человеческой жизни, останется твоей единственной целью на грядущую вечность. Вот Михаил был полицейским, и, похоже, хорошим. Он стал полицейским-квази, пусть они и называют эту работу иначе. Мелкий политик, мэр провинциального городка, после возвышения стал гениальным политиком — и превратился в Представителя, главу всех квази России. Он остановил войну между живыми и мёртвыми, точно так же, как её остановил в Германии лидер партии зелёных, а в Штатах — губернатор Калифорнии.

Виктория могла любить секс или семейную жизнь и выйти замуж за человека. Но смерть этого человека не должна её тронуть. Человек для неё был бы лишь винтиком в механизме, который легко заменить.

Да если даже она его и полюбила! Хорошо, допустим, что смыслом её новой жизни была любовь. Так убивать-то зачем?

Что-то не сходится.

Ничего не сходилось!

— Вся наша работа теперь надолго остановится, — с явным разочарованием говорила Виктория. — Пока мы найдём того, кто заменит Виктора, пока он войдёт в курс дела...

Так вот оно что. Противно, но не преступно. Она переживает, что её покойный муж не сможет продолжить свою работу.

— Сочувствую, — продолжал тем временем Михаил. — А над чем он работал?

— Никаких глупостей из разряда «излечить всех восставших», если вы об этом. — Виктория поморщилась. — Рядовые скучные исследования вируса ветряной оспы. Ищем новые лекарства. Через пять лет, если повезёт, эти разработки дадут неплохую прибыль.

— Зачем её лечить-то, — сказал я. Не нравилась мне эта женщина, и дело было не в том, что она квази. — Зелёнкой помазать — и пройдёт. Все болели когда-то.

— Дети переносят легко, взрослые — крайне тяжело, — пояснила Виктория. — Лекарство востребовано.

Михаил покивал. Спросил:

— Можем мы посетить ещё раз вашу квартиру? Тела уже увезли... ещё раз соболезнуем. Но вдруг что-то осталось незамеченным?

— Пожалуйста. — Виктория небрежно взмахнула рукой. — Я, вероятно, сегодня останусь ночевать на работе. Будет очень одиноко в пустой квартире. У нас тут хорошие

комнаты для отдыха...

Её уже явно не волновал мёртвый муж. И то, что мы будем делать в квартире, — тоже. Она не боялась, что мы там что-то найдём.

— А я ведь вначале подумал, что вы как-то причастны к смерти мужа, — сказал я неожиданно для самого себя.

Михаил посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Как? — спросила Виктория. Она уже начала было привставать, но при моих словах села снова. — Насколько я понимаю, убийство произошло после моего ухода. Уже когда я была в институте.

Я кивнул.

— Здесь моё пребывание постоянно контролируется. — Виктория указала взглядом на потолок, на поблёскивающую линзу камеры. — Я никуда не выходила из здания. Допустим даже, что это я наняла убийцу. Но разве могла я уговорить его остаться наедине с мёртвым телом и послужить восставшему кормом?

— Если мы продолжим это занятное теоретизирование, — сказал я, — то вы могли нанять человека: убить вашего мужа, а потом что-то найти в квартире. Мы выяснили его личность, это преступник, уже дважды сидевший за грабёж. Он застрелил вашего мужа...

— И стал что-то искать, прекрасно зная, что мёртвый вот-вот восстанет? — Виктория улыбнулась. — Нелепо. Он бы отрубил трупу голову или хотя бы связал мёртвого. Восставшие поначалу слабы и неповоротливы. Зачем же служить кормом?

— Да, — сказал я, глядя на Викторину. — Это и впрямь нелепо. Никто не согласится на такую смерть.

Михаил встал.

— Простите моего коллегу за его предположение, — сказал он. — Денис не очень доверяет нам. Что, конечно же, нелепо. Простите за беспокойство. Наши соболезнования.

— Всё в порядке, — сказала Виктория, вставая.

Встал и я. Что-то было не так, что-то было неверно.

Но у меня не было никаких доказательств, никакого мотива и никакой связи между убийцей и Викторией.

— Было очень приятно с вами познакомиться, — внезапно сказал Михаил. И поцеловал Викторину в губы.

Женщина-квази вздрогнула и отшатнулась от мужчины-квази.

Михаил облизнул губы. Язык у него тоже был синий.

— Очень необычно, — сказал он. — Не могу сказать сразу, что это за вещество. Но я полагаю, оно было на ваших губах с утра? С того момента, как вы, выйдя за дверь, поцеловали нанятого вами... или, правильнее сказать, соблазнённого вами человека в губы, впустили в квартиру и ушли? Сколько у него было минут, прежде чем его разбил паралич? Пять, десять? Пятнадцать? А потом он был в сознании? Видел, как ваш мёртвый муж встаёт и бредёт к нему, чтобы начать питаться?

Виктория одной рукой схватила тяжёлое кожаное кресло, вздёрнула в воздух и обрушила на голову смешного старого полицейского.

Будь он живым — она бы его убила. Даже если бы он успел прикрыться руками.

Но они оба были квази, и Михаил отбил удар.

Виктория бросилась прочь из холла. Я кинулся за ней, выдёргивая пистолет из кобуры.

— Не стрелять! — крикнул Михаил, проносясь мимо меня. Фалды старого пиджака

развевались за его спиной. — Не смей, дурак!

Я опустил пистолет и, сжимая перед собой двумя руками, побежал следом за ними.

Михаил догнал Викторию у лестничного пролёта. Прыгнул, повис на спине, сбил — они закувыркались вниз по лестнице. Грохот от удара черепов о ступеньки был такой, что меня передёрнуло. Даже в падении квази пытались разбить друг другу головы — единственный по-настоящему уязвимый орган.

А потом Михаил сломал ей шею.

Услышав мерзкий влажный хруст, я всё понял и замедлил бег. Не хватало мне повторить такое падение... я после него не встану, я после него восстану...

Доставая на ходу наручники — специальные, усиленные, для квази, я спустился к Михаилу. Тот сидел, придерживая поддёргивающееся тело Виктории. Свою пару наручников он уже надел ей на ноги. Молча поймал мою, сковал квази руки.

Потом мы минуту сидели и ждали. Я тяжело дышал и сожалел о том, что не курю. Михаил просто смотрел на квази. Он и впрямь был хорошим полицейским — он смотрел на неё с сочувствием.

Потом шея Виктории хрустнула и вправилась. Она открыла глаза. Посмотрела на нас. Подняла руки и изучила наручники. После чего сказала:

— В этом больше нет нужды.

— Ничего, поносите немного, — сказал я. — Зачем? Зачем вы это сделали?

Женщина-квази смотрела теперь только на меня. Потом улыбнулась и спросила:

— Вы когда-нибудь любили?

— Доводилось, — сказал я.

— Я не могла больше смотреть, как мой любимый человек старится, — сказала она. — Теряет форму, привлекательность, ясность ума... Когда-нибудь он стал бы квази... но вот таким... старым и нелепым... — Она презрительно посмотрела на Михаила. — В то время как настоящая, полноценная, высшая жизнь — рядом. Надо лишь умереть, пройти неприятный этап... и воскреснуть. Вечно молодым.

— Вечно мёртвым, — шёпотом сказал я.

— Вечно молодым, — повторила Виктория и замолчала.

— «Любимых убивают все, — сказал Михаил и рывком поднял Викторию со ступенек. — Но не кричат о том. Трус поцелуем похитрей. Смельчак — простым ножом».

— Стихи пишете? — поинтересовалась Виктория.

— Это Оскар Уайльд, дура дохлая, — сказал я. Покосился на Михаила. — И дело не в том, что дохлая, а в том, что дура.

Михаил потёр правый бок, очень натурально вздохнул.

— Рёбра болят. Три ребра, а они почему-то дольше всего срастаются. Денис, вызовите опергруппу, пожалуйста.

Ночная Москва красива. Когда-то я думал, что навсегда разлюбил ночь.

Ничего, привык понемногу...

— Куда тебя отвезти, Михаил? — спросил я.

— В гостиницу «Ленинградская», конечно, — сказал Михаил. — Где ещё остановиться честному квази?

— Ты шутишь, что ли? — мрачно спросил я.

— Пытаюсь. Получается?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Как-то не расположен к шуткам сейчас. Напиться хочу.

— Везёт тебе, — кивнул Михаил. Достал мобильник и стал кому-то звонить.

Я не слушал. Я думал, что, наверное, он всё-таки и впрямь шутит.

Мы остановились у гостиницы рядом с шумящей вокзальной площадью. Как раз протяжно гудел, отправляясь, бронепоезд Москва — Казань, идущий сквозь мёртвые земли, где даже квази не чувствуют себя в безопасности среди толп восставших.

— Не думай только, что мы стали друзьями, — сказал я. — Ты всё равно такой же, как она. Нежить.

— Я и не думаю, — покорно согласился Михаил.

Мы выбрались из машины, я поколебался — и пожал ему руку. Горячую даже жарким летним вечером. По улице громыхал, приближаясь, трамвай.

Самый опасный вид транспорта, об этом ещё Булгаков писал. Раз — и голова с плеч. Квази может быть сколь угодно силён, но если он поскользнётся и упадёт под трамвай...

— Завтра нам обещали дать квартиру, — сказал Михаил. — Я некоторое время буду работать в Москве.

— Уже понял, — кивнул я. — Нам?

Трамвай приближался. Я быстро оглянулся. Где здесь камеры... попаду я в кадр или нет, и будет ли понятно, что я не удерживаю квази, а толкаю под трамвай...

Но Михаил вдруг завертел головой, уставился на гостиницу.

— Папа! — Из дверей гостиницы вдруг выскочил мальчишка — маленький, лет десяти, бросился к Михаилу. — Папа, всё в порядке?

Трамвай проехал мимо.

Михаил неловко обнял мальчика — я заметил, что он прижимает его к левому боку.

— Конечно, в порядке. Разве со мной может что-то случиться?

Я отвёл глаза. Ребёнок-квази. Какой ужас. Хуже не бывает.

А потом я посмотрел на них снова.

Мальчик был живой. Розовощёкий, раскрасневшийся, с любопытством смотревший на меня.

Я не прав. Бывает и хуже.

Но почему именно сегодня?

— Это Денис, мой новый напарник, — сказал Михаил. — Он хороший и живой.

— Привет, — сказал я. — Ну и пока! Спешу, дома ждут.

И нырнул в машину так позорно быстро, словно за мной гналась толпа восставших.

* * *

Дома я разулся, стягивая ботинки ногами — в руках был пластиковый пакет из супермаркета. Прошёл на кухню, оставляя на полу влажные следы, носки пропотели за день. Сел за стол, привалился к стене, достал из пакета бутылку водки. Свернул крышку и глотнул прямо из горла.

Жидкое забвение потекло по телу.

Я сидел и смотрел на стену напротив. На фотографию, где Оля стояла у окна, держа на руках младенца. До апокалипсиса оставалось три месяца, Оля улыбалась, и мой

девятимесячный сын улыбался тоже.

— Вот ведь как бывает, — сказал я и сделал ещё один глоток.

В пустой квартире не было никого, чтобы мне ответить. Да я и не ждал. Я прекрасно научился говорить сам с собой за десять лет.

Жизнь тем и хороша, что один собеседник у тебя всегда найдётся.

Глава вторая

Небо и ветер

В июне месяце в Москву всегда приходит буря. Несколько раз подступает к городу, заставляя метеорологов объявлять штормовое предупреждение, и развеивается.

А потом накатывает в полную силу.

Не знаю, собиралась ли буря разыгаться сегодня или просто играла с городом. Но ветер дул нешуточный. По небу неслись плотные низкие облака, полные воды, но пока ещё не пролилось ни дождинки.

— Я сам пойду, — сказал я Михаилу.

— Почему не вместе? — поинтересовался он.

— Справлюсь.

Мы стояли у мусоропровода, откуда вела дверь на маленький технический балкон. Двадцать первый этаж. Шестьдесят метров над землёй.

— Я не разобьюсь, если что, — напомнил Михаил, придержав меня за руку.

Я покрутил пальцем у виска.

— То есть разобьюсь, — признал Михаил. — Но выживу. В смысле — восстановлюсь.

Со временем.

— Тогда мне чего бояться? — спросил я. — Разобьюсь — восстану — возвышусь.

Делов-то.

— У тебя в завещании указана кремация, — сказал Михаил. — Не восстанешь.

— Тогда и биться не буду. Пусти!

— Но почему именно ты? Ты вчера много пил. Я чувствую запах.

— У тебя загар неправильный, — объяснил я. — Не надо им сейчас тебя видеть.

Михаил подумал и отпустил руку.

— Разумно. Иди.

Я толкнул дверь и неторопливо вышел на балкончик.

Ого!

Вот это ветрила!

Будь у меня шляпа — она бы улетела.

Будь у меня крылья — я бы сам улетел.

А будь мозги — рванул бы обратно.

Балкончик был узкий, но длинный, метра четыре. Он соединял лифтовую площадку с мусоропроводом и дверь на лестницу. То есть в случае пожара жильцам предстояло петлять при спуске: выбегать на балкон, впуская в горящее здание свежий воздух, и снова нырять в огонь.

Как-то глупо. Впрочем, у нас тут не пожар.

Вначале я посмотрел вниз. Там стояли несколько патрульных машин, пожарная машина, «скорая». И зеваки, куда же без них. И телевизионщики. Ну ещё бы...

Я помахал рукой всем сразу.

Потом повернулся.

Девчонки стояли на старой облупленной тумбе в углу балкона. Вначале я решил, что это просто какой-то ларь. Потом понял, что это старая швейная машинка «зингер». Древняя! Ей

же лет сто! Кто такой антиквариат выкидывает?

— Привет! — сказал я громко и дружелюбно. — Ветрено сегодня!

Одна девочка гордо отвернулась. Другая неуверенно кивнула. Было девчонкам лет по пятнадцать-шестнадцать. Они держались за руки, крепко, аж пальцы побелели. И прижимались к стене.

Ту, что кивнула, хорошенькую и рыженькую, звали Юля. Она училась в десятом классе. Неприветливую, коротко стриженную брюнетку звали Аня. Она училась на первом курсе технического колледжа. Подружками они были ещё с детского сада.

Плохо.

— Девчонки, только один вопрос! — крикнул я. — Вы не беременны?

Теперь и Аня посмотрела на меня. С искренним возмущением.

— Объясняю суть вопроса, — пояснил я. — Если вы восстанете и возродитесь, будучи беременными, то вы останетесь беременными навсегда. Понимаете, какой это ужас?

— Мы не беременны! — с возмущением выкрикнула Юля.

— Мы не проститутки! — поддержала её Аня.

Я присел на корточки. Во-первых, скрываясь от ветра. Во-вторых, такая поза должна их расслабить. В-третьих, из такой позы можно очень резко рвануться вперёд, но вряд ли они это понимали.

— Хорошо! — крикнул я. — Тогда второй вопрос. Если можно! Как звать эту сволочь?

Девчонки переглянулись.

— А вам зачем? — с надрывом воскликнула Аня.

— Надо же знать, кто такой дурак.

— Он не дурак! — сказала Юля. Внезапно посмотрела вниз и испуганно отвела глаза.

Хорошо, хорошо...

— Он нас обоих любит! — поддержала Аня. — И не может выбрать! А мы подруги, мы не будем друг друга предавать!

— А зачем предавать? — удивился я. — Он вам обоим нравится? Вы подруги? Ну и живите втроём.

На мой взгляд, это было прекрасное предложение, хотя детский омбудсмен мог бы его и оспорить.

— Он женат! — с надрывом воскликнула Юля. — Сказал, что любит нас, но не может жену бросить!

— Вот козёл, — согласился я искренне. Понятное дело, что мужик просто пытался отвязаться от влюбившихся малолеток, при этом сильно их не травмируя. Но перестарался. — Девчонки, у вас сигареты есть?

Девчонки переглянулись.

Юля достала зажигалку.

Аня — мятую пачку сигарет, которые ей никто не должен был продавать по возрасту.

— Вам бросить? — спросила Аня.

— Уронишь! — возмутился я. Встал, подошёл к девчонкам (обе напряглись), взял сигареты и зажигалку. Снова сел, но уже поближе. — У меня дочка в вашем возрасте тоже со взрослым парнем встречалась...

По возрасту у меня не очень-то получалась дочка-ровесница Юли с Аней. Но в пятнадцать лет все взрослые на одно лицо.

— И что? — с подозрением спросила Юля.

— Что-что... Дура, вот что! По ней полкласса сохло, а она за учителем бегала... Два месяца в слезах ходила.

— А потом?

— Потом? С другим познакомилась. Двадцать два года, студент МИМИ.

— Мими? — удивилась Аня.

— Московский институт молекулярных исследований, — на ходу придумал я. — Мимишный парень.

Вот это уже лучше. Обе улыбнулись. Тут как на рыбалке — подкормка, крючок, подсечь, вытащить.

— Девчонки, слезли бы вы, а? — попросил я. — Посидим, покурим, поговорим.

Аня и Юля переглянулись. Прыгать они уже не хотели. Может, и с самого начала не хотели, просто завели друг друга в силу свойственной полу и возрасту эмоциональности.

— Не будете нас держать? — спросила Аня.

— Не буду, — пообещал я.

Аня неловко переступила на тумбе. Попыталась присесть, тут налетел порыв ветра, она пискнула и прижалась обратно к стене.

— У меня ноги затекли! — в панике закричала она. Юля схватила её за плечи и сама пошатнулась.

— Стоп-стоп-стоп! — воскликнул я, вставая. — Давайте помогу.

Они уже не спорили.

Я крепко взял обеих за руки. Потянул вниз.

Юля аккуратно спрыгнула на балкон.

Аня пошатнулась и стала оседать в сторону перил.

— Твою мать! — завопил я, хватая девчонку обеими руками.

— Держите меня, держите! — в панике закричала Аня. В полуприседе она балансировала на краю ветхой поскрипывающей тумбы, всё сильнее и сильнее заваливаясь в сторону края. Я бы её легко вытащил, но ветер навалился мне на спину и теперь толкал к девчонке...

Дверь хлопнула. Михаил в два прыжка оказался возле нас. Одной рукой рванул на себя Аню, другой придержал меня. Мы все вместе рухнули на грязный балконный пол, покрытый голубиным помётом и старыми сплюснутыми окурками.

Юля рыдала. Аня хлопала глазами, засунув в рот палец.

— Вот же дурёхи, — сказал я с чувством. — Держите свою отраву.

Аня вытащила изо рта палец, сменила его на сигарету и лихо запалила ту с фильтра.

Я вздохнул, вытащил у неё изо рта сигарету и затушил.

Буря, похоже, решила сегодня пройти стороной. Тучи всё так же неслись над городом, временами проливаясь короткими холодными ливнями, но ветер ослабел.

— Ты берёшь на себя больше, чем требуется, — сказал Михаил. Я снова был за рулём, он сидел рядом. К его старому костюму добавилась помятая фетровая шляпа, которую он предусмотрительно оставил в машине. — Надо было дожидаться переговорщика, девчонки не собирались прыгать.

— Их бы сдуло, — сказал я. — А ещё их было двое. Двое друг друга быстро заводят, и в хорошем, и в плохом.

— Тоже верно, — согласился квази.

— Тебе помочь с переездом?

Он немного подумал.

— Да, спасибо. Вещей у нас не много, но ведь положено делать новоселье.

— Кем положено?

— Людьми, — ответил Михаил.

— А... — Я остановился возле участка. — Ты считаешь себя человеком?

— Одной из трёх разновидностей. Люди. Восставшие. Квази.

— Восставшие, на твой взгляд, тоже люди?

Михаил заколебался, прежде чем ответить.

— Промежуточный этап. Куколка. У насекомых это обычное дело — личинка, куколка, взрослая особь — имаго. Можно найти много параллелей. Личинки обычно хищники, имаго — часто вегетарианцы.

— А восставшие — куколки?

— Это грубое сравнение.

— Не поспоришь. — Я вылез из машины. Михаил, придерживая шляпу, следом. — То есть ты против убийства восставших?

— Я вообще против убийств, — ответил Михаил. — Кого бы то ни было. Только если нет иного выхода.

— Стая восставших идёт на человека. Твои действия?

— Я их остановлю.

— Их много. Даже квази не могут управлять большой толпой. Стая идёт на человека, у тебя пулемёт, твои действия?

— По ситуации. — Михаил повернулся и пошёл в участок.

Я пошёл следом.

Всё-таки он нежить, и забывать об этом нельзя.

В помещении было прохладно — жара сегодня упала, а кондиционеры, похоже, отрегулировать никто не спешил, так и работали на полную мощность. Народа оказалось не много. Две заплаканные тётки делились с молодым лейтенантом из дежурной части своими бедами. Судя по лицу лейтенанта, ему эти беды казались не огромными и неслыханными, а мелкими и банальными. Ирина из регистрационно-разрешительной оформляла какие-то бумаги художавому мужчине интеллигентного вида. Наверное, выписывала разрешение на очень большую и страшную пушку.

— У тебя ведь есть свой кабинет? — спросил Михаил.

— Да, разумеется... — Я покрутил головой. — Вон там.

Дверь заедала и открылась с трудом. Через маленькое окошко с трудом проникал свет с улицы, я щёлкнул выключателем, с недовольным гудением загорелись старые люминесцентные лампы.

Я сел за стол, Михаил напротив. Кабинет сразу оказался полон. Квази провёл пальцем по столу, посмотрел на палец, покачал головой. Спросил:

— Как подполковник Даулетдинова тебя терпит?

— Я хорошо работаю, — сказал я. — А бумажками занимаюсь два раза в месяц. Ну или раз. От рассвета до заката. А у тебя был кабинет в Питере?

— Вроде бы был, — сказал Михаил. — Но у нас... у нас всё по-другому.

— Вы ухитряетесь обходиться без многих официальных структур, — кивнул я. — Как?

— Мы все знаем свою цель и своё место.

Дверь хлопнула, заглянул Александр — пожилой майор из следственного. Сказал:

— Дуй-ка к царице, дознаватель.

— Что стряслось? — насторожился я.

— Много будешь знать... — туманно ответил он. Скорее всего, сам не знал. Видимо, сидел у подполковника, когда той вздумалось меня вызвать, а то с чего бы оказался на побегушках.

— Яволь, — сказал я. Александр был немец, чьи предки переехали в Россию ещё во времена Петра Великого.

— Вазелин готовь, — посоветовал Александр и закрыл дверь.

Кажется, он все-таки что-то знал.

— Почему царица? — спросил Михаил.

— Потому что Шамаханская.

— Но она же Даулетдинова!

Я развёл руками. Кто может предсказать, как и откуда возьмётся прозвище? Да никто.

— А зачем вазелин?

Я посмотрел на Михаила с подозрением.

— Нет, я понимаю смысл выражения, — успокоил он меня. — Но, во-первых, твой начальник — женщина, поэтому смысл меняется на совершенно противоположный...

— То, что она женщина, не мешает ей употребить меня и с вазелином, и без вазелина, — вздохнул я, вставая.

— Во-вторых, вчера и сегодня ты хорошо поработал и к тебе не должно быть претензий...

— Михаил! — с чувством сказал я. — Претензий ко мне не будет, когда я помру. Да и то, только если не восстану.

— Я иду с тобой, — решил квази.

Спорить я не стал.

Выйдя из кабинета, я запер дверь, и мы отправились к царице. При виде квази она погрустнела.

— Я вас не вызывала, Михаил Иванович. Вы можете пока... отдохнуть?

Положение квази в нашем отделении, без сомнения, было очень туманным и плохо регламентированным. Похоже было, что Даулетдиновой позвонили сверху. Причём с самого верху. И велели назначить Михаила мне в напарники и оказать всяческое содействие.

Любопытно!

— Спасибо, Амина Идрисовна, — вежливо сказал он. — Но мне было бы очень полезно понаблюдать за тем, как идёт работа с личным составом.

Видимо, против этого Даулетдиновой возразить было нечего.

— Денис, кто вчера производил досмотр задержанной Виктории Томилиной?

Прежде чем я прокрутил в памяти вчерашний вечер и пришёл к неутешительному выводу, что мы вообще не проводили досмотр задержанной, сдав её на руки опергруппе «как есть», квази сказал:

— Я её осмотрел, Амина Идрисовна.

— Что у неё было с собой?

— Ничего, — невозмутимо ответил Михаил. — На ней был обтягивающий деловой костюм. Женщины редко носят что-то в карманах, для этого есть сумочки.

Подполковник непроизвольно бросила взгляд на шкаф, где, вероятно, и стояла её

сумочка.

— В ушах серёжки, серебряные, в виде листиков. На шее цепочка с медальоном, тоже листок, очевидно — комплект. На правой руке обручальное кольцо, белое золото с маленьким бриллиантом, примерно одна десятая карата, но чистой воды. На левой руке браслет с подвесками, серебро и кристаллы Сваровски. Всё.

— Вы очень наблюдательны, — похвалила его Даулетдинова. — Мужчины редко так хорошо запоминают украшения.

Она явно была растеряна, квази выбил у неё почву из-под ног.

— Что-то случилось? — поинтересовался Михаил.

— Она сбежала.

— Как — сбежала? — воскликнул я. Михаил молчал, ожидая продолжения.

— Когда её привезли для оформления в изолятор временного содержания, оказалось, что наручники у неё сняты. Она сбила с ног наряд и убежала.

— Расстёгнуты? — спросил Михаил.

Даулетдинова нахмурилась. Взяла со стола какой-то листок, прочитала.

— Нет... да... Сняты, и лежали на полу машины. Нет, не расстёгнуты.

— Квази могут вытащить руки из любых наручников, — сказал Михаил. — Надо всего лишь сломать кости. Это больно, требует времени на восстановление, но возможно. Патрульные не читали инструкцию по перевозке задержанных квази?

— Мы нечасто арестовываем квази! — заступилась за патрульных подполковник. — Чаще перевозим восставших...

— Квази не ангелы, мы тоже совершаем преступления, — невозмутимо сказал Михаил. — Если в человеческой жизни была склонность к преступлениям, то она проявится и в квази-жизни. Надо внимательно читать инструкции, мы направляли их в ваше министерство внутренних дел.

Подполковник вздохнула.

— Я сообщу об этом. Что ж... хорошо, что это не вина Дени... не наша вина. Денис, почему вы так напряжённо смотрите на своего напарника?

— Восхищаюсь его профессионализмом, — сказал я. — Нам помочь в поисках Виктории?

— Этим уже кто только ни занимается! — махнула рукой Даулетдинова. — Идите. Займитесь отчётами.

— Я лучше обход сделаю, — сказал я. — У меня на участке сорок три бабушки и двадцать восемь дедушек, которых надо почаще проверять.

— Сделайте обход, — согласилась Даулетдинова, из чего я понял, что она серьёзно смущена ситуацией. Не загнать меня заполнять бумажки — это что-то неслыханное!

Покинув кабинет начальника, Михаил двинулся было к моему, но я подхватил его под руку.

— Позвольте пригласить вас на прогулку, Михаил. Чудесная погода, надо больше дышать воздухом.

За окнами громыхнуло.

— Как угодно, Денис, — согласился квази. — Вы что-то хотели спросить?

— Да-да-да, — ускоряя шаг и заставляя Михаила поторопиться, пробормотал я. — Скажи мне, напарник, любимец богов... Как ты врать научился?

— Я не врал.

— Хо-хо-хо! — голосом пьяного Санта-Клауса воскликнул я. — Ну да! — Дверь участка хлопнула за нами, и я продолжил, хотя и тише: — Ты не проводил досмотр. Я не проводил досмотр. Ты соврал!

— Осмотр должен был провести ты, — ответил Михаил. — Моя вина в том, что я недоглядел за тобой.

— Но ты соврал! А квази не врут!

— Это кто вам сказал? Квази?

Я остановился, в упор глядя на напарника.

Михаил вздохнул. Я уже понял, что это у него был отработанный приём невербального общения.

— Да, мы не врём. Но я и не соврал. Я сказал то, что царица хотела услышать...

— Это нам она царица!

— Я сказал подполковнику, что осмотрел Викторию. Я и осмотрел её, очень внимательно. Но осмотр не равен досмотру.

— Ты лжец! Ты формалист и крючкотвор! — воскликнул я в полном восхищении. — Ты настоящий полицейский старой школы!

И вот тут он неожиданно улыбнулся.

Наверняка так же искусственно и рассудочно, как и вздыхал. Но улыбнулся.

— Куда уж старше. Я при Сталине родился, при Хрущёве в школу пошёл, при Брежневеве работал, при Путине на пенсию вышел. И я прекрасно понимаю, что нашей вины в случившемся нет. Виктория не отмычкой наручники открыла, она сломала себе руки и ноги и вытащила из браслетов. Если и есть вина, то моя — надо было предупредить тех ребят.

— Но зачем ей сбегать? — спросил я. — По всей вашей логике: совершил преступление — прими наказание. Верно?

— Если на почве любви, то да, — согласился квази.

— Значит, тут не любовь.

— Или не та любовь. Или не только любовь. Будем объезжать старичков?

— Поедем ещё раз на место преступления.

Михаил посмотрел на часы — старомодные, стрелочные, в позолоченном корпусе.

— Я должен был выписаться из гостиницы и переехать.

— Тогда иди, я сам.

Михаил покачал головой:

— Нет, неправильно. Я заберу вещи и сына. Покатается с нами.

— Тоже неправильно.

— Выбор невелик. Я за руль, надо привыкать к вашему движению.

— Ну рискни, — сказал я. — Только учти, это тебе не велосипед.

Я посмотрел на Ольгу и покачал головой:

— Не верю! Ты водишь машину. Ты плаваешь как рыба. Ты умеешь стрелять. Ты на гитаре лучше меня играешь!

— А на велосипеде ездить не умею, — сказала жена.

Всегда есть шанс узнать о близком человеке что-то неожиданное. Даже после двух лет семейной жизни.

Мы стояли посреди спортивного магазина. Тут было чисто, его никто не громил. Казалось, что продавцы и покупатели просто куда-то вышли на минутку. Два собранных

горных велосипеда стояли посреди зала, притягивая взгляд.

— На велосипеде можно проехать по просёлку, — сказал я. — Мы к вечеру будем в Москве.

— Мы не знаем, что там сейчас, в Москве, — устало ответила Ольга. — И я никогда не ездила на велосипеде. Упала в детстве, напоролась на железку... помнишь, ты спрашивал про шрам на плече? И больше никогда не садилась.

— Я тебя научу, — сказал я.

— С младенцем на велосипеде? — Ольга рассмеялась, и я понял, что спор окончен. — Нет, нет и нет. Давай попробуем по дороге на машине. Будем объезжать заторы по обочине.

— Ага, тут к нам и набегут, — сказал я. Развёл руками: — Хорошо. Давай попробуем. Но велосипед...

— Тут не о чем говорить. Пусть на нём мертвяки ездят, — отрезала Ольга. — Возьми бейсбольную битку... может, тут ножи есть...

Сын захныкал во сне.

— Какая же я дура, что перестала кормить грудью. — Ольга принялась укачивать сына. — Еда всегда с собой, чистая и подогретая...

— И тут тоже не о чем говорить, — вздохнул я. — Я поищу, может, есть туристическая плитка. Подогреем воду, разведём смесь.

Ольга кивнула, глядя сквозь стеклянную дверь на улицу. Там было пустынно. Пока пустынно — мы уже убедились, что восставшие мертвецы чувствуют живых.

— Соберу всё, что может пригодиться, — сказал я.

Вещей у них было не много. Большой чемодан и сумка с ноутбуком у Михаила, маленький чемодан у его сына. Они погрузили вещи в багажник — я попытался помочь мальчику, но тот помотал головой и с натугой забросил чемодан в багажник сам.

— Мы вчера так толком и не познакомились, — сказал я. — Меня зовут Денис.

— Знаю, папа сказал, — ответил живой мальчик. — Меня зовут Найд.

— Найд? Венгерское какое-то имя? — предположил я.

— Нет, это домашнее. Прозвище такое. Папа у меня квази, мамы нет. С чего имени быть обычным?

На это я не нашёлся что ответить. Сел вперёд, Михаил за руль, мальчишка со странным именем Найд забрался назад. Повозился там и спросил:

— У вас есть совместные школы?

— Совместные? А... да. Есть. Конечно.

— Найд, — негромко сказал Михаил. — Три правила.

— Никуда не забегаю, смотрю внимательно, вопросы задаю потом, — с шумным вздохом сказал Найд, и я понял, откуда Михаил перенял свою манеру имитировать эмоции.

Мы поехали обратно к участку и Последнему переулку, Михаил вёл неторопливо, очень аккуратно, но как-то ухитряясь ни разу не встать на светофоре.

— Будем исходить из того, что у Виктории имеется какая-то неизвестная нам страсть, — сказал он. — Страсть в смысле «цель». В эту цель входило возвышение её мужа...

— Она могла планировать только то, что он восстанет, — заметил я. — Как скоро он возвысится — вопрос спорный. По Земле до сих пор шесть миллиардов восставших ходят, а возвысившихся — сотня миллионов.

— Сто четыре миллиона шестьсот тысяч, — поправил Михаил. — Давай всё-таки исходить из того, что она хотела иметь рядом квази, а не восставшего.

— Это логично, — согласился я.

— И эта неизвестная нам страсть не связана напрямую с личностью Виктора, — продолжал Михаил. — Иначе после его смерти она покорно приняла бы задержание и наказание. Но Виктор безвозвратно умер, а страсть осталась.

— Другой мужчина? — предположил я.

— Лучше будем говорить «цель», иначе ты сбиваешься, — решил Михаил. — Нет, не думаю.

— Нам бы очень, очень сильно помогло, если бы мы оба знали то, что знаешь ты, — невинно заметил я.

— А именно?

— Почему ты прибыл на место преступления?

— У меня была информация...

— Это я слышал. Кому грозила опасность — человеку или квази? Почему ситуация была столь важна, что в Москву направили тебя, челове...

Я запнулся. Мальчишка сзади тихо хихикнул.

— Найд! — строго сказал Михаил.

Я страдал молча.

— Слушаю дальше, Денис.

— Почему направили тебя, квази из ближнего круга Представителя? Должно было случиться что-то очень важное, чтобы Представитель отослал прочь руководителя своей тайной полиции.

Теперь настал черёд молчать Михаила.

— Интернет — великая сила, — сказал я. — Я вчера не только пил.

— У нас нет тайной полиции, — заявил Михаил.

— О да. У вас и обычной нет. Но есть квази, которые выполняют эту работу. Если с молотка снять ярлычок, им всё равно можно забивать гвозди.

— Денис, я не могу ответить на эти вопросы, — сказал Михаил.

— Тогда скажи, насколько общество квази однородно?

— Мы разные.

— Я понимаю. Общее ли у вас видение будущего? Одинаково ли вы смотрите на взаимоотношения с людьми? На чём основана власть Представителя?

Найд ёрзал на заднем сиденье. Ему очень хотелось влезть в разговор, но он молчал.

— На эти вопросы, наверное, я дам ответы, — решил Михаил. И начал говорить, аккуратно подбирая слова: — Являясь разными личностями, мы по-разному видим своё будущее. В настоящее время основной является выдвинутая Представителем идея космической экспансии. Мы гораздо лучше людей переносим условия космических полётов и иных планет. Мы можем оставить Землю человечеству, как колыбель, а сами покорить Солнечную систему и двинуться к звёздам. Учитывая, что срок жизни квази неопределённо велик, мы малочувствительны к радиации и ряд других факторов — это привлекательная идея. Взаимоотношение с людьми тоже видится нам по-разному. Войны никто не хочет, но есть серьёзные опасения. Они имеют основания. Власть Представителя основана на том, что он гениальный политик, мастер взаимовыгодных компромиссов и общих интересов.

— Ну, сказал ты много, но не сказал ничего, — подытожил я. — Это и так все знают.

Михаил остановил возле дома покойного профессора и посмотрел на меня.

— Да. Но что поделать... Найд, ты остаёшься в машине. Мы отойдём на полчаса-час.

— Я возьму планшет, — сообщил мальчик.

— Три правила поведения в Сети, — сказал Михаил.

Мальчишка закатил глаза и произнёс:

— Не называть личной информации, не знакомиться, не говорить о живых и мёртвых.

Михаил подумал и добавил:

— И ничего не покупать.

Знакомая консьержка при нашем появлении засуетилась, оторвалась от стола, за которым пила чай. Я махнул ей рукой, показывая, что вставать и подходить не надо.

Сами справимся.

Дверь в квартиру Томилиных была открыта и завешена крест-накрест красно-жёлтыми заградительными лентами. Я нахмурился. До сих пор эксперты работают? Или...

Видимо, мысль о Виктории, которая могла оказаться настолько наглой или настолько глупой, что вернулась домой, появилась у нас одновременно. Михаил ловко поднырнул под ленты и оказался в квартире. Я двинулся следом, расстёгивая кобуру.

Но всё было в порядке. В кабинете, разложив на письменном столе чемоданчик с пробирками, пакетами и реактивами, стояла одетая в белый одноразовый комбинезон поверх формы Анастасия — эксперт из нашей лаборатории. Она аккуратно опускала пинцетом в пробирку какой-то волосок.

Наше появление её ничуть не удивило. Кивнув, она закрыла пакет, подписала его и отправила в чемоданчик.

— Царица послала? — спросил я, застёгивая кобуру.

— Привет, Денис. Да. Она сказала, что вы наверняка сюда приедете.

Анастасия у нас работает недавно, сразу после института. Я от её поколения теряюсь. С молодёжью, вроде тех двух девчонок, в сознательный возраст вошедших уже в изменившемся мире, нормально общаюсь. С ровесниками, кому за тридцать, тоже без проблем. А вот с этими, двадцатипятилетними, чей мир опрокинулся и в без того сложном отроческом возрасте, теряюсь. И с юношами, и с девушками. Как-то они иначе на мир смотрят. Не как мы, не как молодёжь. К восставшим и квази относятся вроде бы нормально, куда лучше, чем я. К современной жизни адаптировались будь здоров.

Но их что-то изнутри гложет. Фантомные боли какие-то. Наверное, о том мире, когда можно было сесть в электричку, выехать за город и разбить там палатку у тихой речки. Или поехать через всю Европу на машине, останавливаясь в случайных городишках. А то и отправиться куда-нибудь... ну, допустим, в Африку или Азию. В Азию! Ха-ха! В Китай! Или на Килиманджаро взобраться.

Они всё это получить не успели и уже никогда не получают. А могли. Даже если не собирались, то знали, что всё это возможно. Пляжи Гоа, Великая Китайская стена, египетские пирамиды...

Те, кто помладше, на это уже и не рассчитывали, им это словно мечта в Крестовом походе поучаствовать или с Робин Гудом в Шервудском лесу поразбойничать. У них и не болит.

— Нашли что-то интересное, Анастасия? — спросил Михаил. Ну надо же, он весь наш состав в лицо знает.

— Ничего особенного, Михаил. — Анастасия взяла ещё один пакетик, скальпель и принялась вырезать фрагмент кожаной столешницы. — Всё выглядит именно так, как в рапорте Дениса. Мне только кажется, он мог бы и увернуться от восставших. Но я не оперативный сотрудник, и это не моё дело. А что вы хотели посмотреть?

— Компьютер, бумаги... — сказал я.

— Жёсткий диск уже изъяли, часть бумаг — тоже. — Анастасия пожала плечами. — Смотрите сами. Мне ещё на четверть часа работы. Царица велела всё по полной программе запротоколировать.

Мы с Михаилом переглянулись. Я кисло поморщился.

Да, непонятно, что теперь тут искать. Это только в кино попавший в тупик следователь приезжает на проверенное и осмотренное место преступления, после чего находит там самый важный документ, незамеченную гильзу или отпечаток пальца.

В жизни такого не бывает.

Для порядка и из упрямства я всё же порылся в столе, натянув протянутые Анастасией перчатки. Проглядел какие-то оставшиеся бумаги, посмотрел на своём планшете пару мелких флэшек, валявшихся в мусоре, пролистал книжки со стола.

Ничего ценного тут не было.

Было немного рабочей переписки — судя по ней, моложавый профессор занимался именно тем, о чём нам говорили, — ветрянкой. Было немного финансовых документов, из которых следовало, что профессор человек не бедный, но и богачом его не назвать. На флэшках нашлась коллекция старой японской анимации, включая запрещённый по закону о нравственности хентай. Ну, как по мне — невелико прегрешение.

Ежедневник с плохонькими стихотворениями. Похоже, покойный баловался любовной лирикой.

Книжка вульгарно-философских рассуждений о восставших с пометками Томилина. Может, вирусолог он был и великий, но подчёркнутые рассуждения мне показались банальными.

По хорошей привычке, которой меня научил один старый сотрудник, я достал бумагу из подающего лотка принтера и перевернул. Так и есть, для черновой печати профессор использовал обратную сторону напечатанных листов. На десяти первых я обнаружил исчерпанный правками черновик статьи «Моя жена — квази», довольно любопытной сама по себе, но никаких сенсаций не содержащей. В основном рассуждения о том, как хороши квази. Может, уже и опубликована где-нибудь... Я мельком глянул на текст, испытывая некоторую неловкость — покойный профессор действительно любил свою квази-супругу, заказавшую его смерть.

Впрочем, она ведь тоже любила его. По-своему. Насколько это возможно для мёртвых. Как писал бедолага Томилин — «не знаю, что было для неё большей страстью — я или наука, наверное, она не воспринимала нас отдельно».

Листы я сложил пополам и спрятал в карман пиджака, чтобы поглядеть на досуге. Не по работе, просто из болезненного любопытства: что испытывал человек, делящий постель с нежитью?

Михаил побродил по кабинету, потом на время скрылся в спальне, в ванной комнате, на кухне... Ему перчатки не требовались, квази не оставляют отпечатков пальцев.

— Царица что-то конкретное говорила? — спросил я у Анастасии. Та тоже заканчивала,

паковала все образцы.

Девушка покачала головой:

— Нет, Денис. Сказала, что ей не нравится это дело, особенно после бегства Виктории.

— Не боялась, что квази сюда придёт?

Анастасия посмотрела на меня с удивлением.

— И что? Задержать я её не смогу, и попробовать бы не стала. А нападать на меня — зачем это ей?

— Так ей и бежать смысла не было, — заметил я.

На мгновение мне удалось её смутить. Потом Анастасия похлопала себя по поясу через хрустящий белый комбинезон.

— Обойма с разрывными. Остановит любого квази. На время.

Я неохотно кивнул.

Говорю же — не понимаю это поколение...

— Ничего интересного, — сказал вернувшийся Михаил. — Вы закончили, Анастасия?

Ответить она не успела. Из прихожей послышался шорох запретительных лент, топот ног, и в кабинет вбежал Найд.

— Папа, там две машины, безопасность, — быстро сказал он.

— Никуда не выбегать! — жёстко сказал Михаил, взял Найда за плечо и задвинул себе за спину. — Про телефон забыл?

— Папа, у меня деньги кончились!

Судя по взгляду, брошенному Михаилом на балконную дверь, он сейчас размышлял, не повторить ли вчерашний прыжок. С мальчишкой на руках, к примеру.

Может быть, он был способен на такое. Но нас с Анастасией он вытащить бы никак не смог.

— Почему у тебя всегда есть уважительный повод для нарушения запретов? — риторически спросил Михаил.

Ленты в дверях с треском порвались. Те, кто бежал за Найдом, не церемонились. Первый вбежавший в кабинет, в строгом костюме свободного кроя и с пистолетом в руке, имел лицо, невозмутимостью могущее поспорить с квази. Но когда вместо одного мальчишки, вбежавшего в подъезд перед носом, он обнаружил ещё и трёх взрослых — спокойствия у него поубавилось. Он начал было приподнимать оружие, потом опустил. Следом вбежали ещё двое — без оружия, зато с азартом на лицах.

— По какой причине вы гонитесь за ребёнком с оружием? — спросил Михаил.

— Кто вы такие? — вопросом ответил первый ворвавшийся. — Поднимите руки!

Руки мы поднимать не стали.

— Капитан Денис Симонов, двадцать девятое отделение полиции города Москвы, — сказал я. — Я повторю вопрос своего коллеги. Почему вы преследуете ребёнка с оружием в руках?

Дураком вбежавший не был. Он направил ствол в пол и сказал:

— Капитан Владислав Маркин. Госбезопасность. Покажите удостоверение.

Я неспешно достал корочки, протянул капитану. Кивнул на Анастасию.

— Лейтенант Анастасия... э...

— Анастасия Деева, — подсказал Михаил.

— Анастасия Деева, эксперт-криминалист. Михаил Иванович. Инспектор от Представителя квази.

— Документы у Михаила Ивановича есть? — спросил гэбэшник мрачно.

— Есть, — ответил тот, не порываясь ничего достать. — Я повторю вопрос: почему вы подвергали опасности моего сына Найда?

— Здесь место преступления, — хмуро сказал гэбэшник. — По нашим данным, тут могла появиться преступница. Квази. Увидев ребёнка, направляющегося сюда, я достал оружие, чтобы защитить его в случае опасности.

— Квази ребенка не обидят, — сказал Михаил. — Это совершенно исключено.

Владислав наконец-то спрятал оружие. Неохотно вернул мне документы.

— Недоразумение... коллеги. Я в курсе, что это вы произвели здесь зачистку, Денис Симонов.

— Я оборонялся от восставших, — твёрдо ответил я.

Гэбэшник улыбнулся уголками губ.

— Ну да, конечно. Итак, я понимаю, что вы вели это дело... в какой-то мере... но теперь оно передано госбезопасности. Спасибо за помощь. Все мы делаем одно общее дело. Попрошу вас вернуть собранные улики и покинуть территорию.

Вслед за этой троицей подтянулись ещё несколько человек. Судя по внешности и одежде — эксперты. В разговор они не лезли, самый пожилой даже махнул рукой Анастасии — вполне дружески и, кажется, с узнаванием. Может, в институте ей курс читал.

— Простите, не могу, — упёрся я. В общем-то ничего мы не нашли, да и собранные Анастасией волосы и соскобы особой ценности не имели. Но когда это бывало, чтобы полицейский легко отдавал своё дело гэбэшникам! — У меня нет таких предписаний.

Владислав спорить не стал. Порылся в кармане пиджака, достал сложенный вчетверо лист бумаги, протянул мне.

Жутким канцелярским языком, который был надёжнее любых печатей, в бумаге от министерства внутренних дел сообщалось, что дело об убийстве профессора Томилина передаётся в государственную службу безопасности и всем сотрудникам органов внутренних дел предписывается оказывать полное содействие ГСБ. Впрочем, печати на документе тоже были. А подписан он был меньше часа назад.

— Выглядит настоящим, — сказал я, чтобы оставить за собой последнее слово. — Анастасия, нам придётся...

— Подождите, — внезапно сказал Михаил. — У меня тоже есть бумага.

Точно так же, как Владислав, он достал из пиджака сложенный лист. Владислав со скепсисом открыл его и начал читать. Выражение его лица изменилось.

— Согласен, — сказал Владислав. — У вас постановление министерства внутренних дел, визированное госбезопасностью, по которому вы ведёте дело на своё усмотрение. Это конфликт интересов... и юридический казус, поскольку моё предписание выдано позже.

Михаил кивнул.

— Поэтому единственное, что я могу предложить, — сказал Владислав, — это всем нам вместе проследовать в управление. Там и будем разбираться, кто прав, чьи бумаги в данный момент действительны, а чьи — нет. Не уверен, что разбирательство будет быстрым. Но два-три дня — и всё разъяснится.

Михаил протянул руку, забрал свою бумагу и сказал:

— Хорошо, вы меня убедили. Считайте, что никаких постановлений у меня не было. Мы покидаем место преступления. Но я прошу вас занести в рапорт мой протест.

— Официальный? — спросил Владислав.

— Как вам будет угодно, — сказал Михаил, помолчав мгновение, и я понял, что квази сдался.

— Не смею вас больше задерживать, — с улыбкой сказал безопасник. Протянул руку, потрепал Найда по голове. — А ты чего дёру дал, парень?

— Вы такие страшные, я испугался, — мрачно ответил Найд.

Владислав совершенно искренне рассмеялся.

— Верно, мы такие. Доброй ночи, господа и дамы. Не забудьте передать нам всё, что вы для нас собрали. Макаров, собери у коллег плоды их неурочной работы!

Уже возле самой машины я не выдержал. От резких слов, учитывая присутствующего Найда, сдержался. Но все-таки сказал:

— И ты так это спустишь, Михаил?

— Если не заметил — уже спустил, — ответил квази.

— Но ты мог все-таки попытаться...

Михаил очень натурально вздохнул:

— Чего ты хотел, Денис? Чтобы я тряс бумагами и корочками, поругался с человеческой госбезопасностью, но все-таки оставил при нас собранные улики? А потом мы помчались бы в какую-нибудь тайную лабораторию? И вот все отношения испорчены, коллеги Владислава висят у нас на хвосте, министра поднимают с кровати, он орёт в телефон на Даулетдинову, та берёт нас за шкуру... Ради чего? Ради бесполезных улик? Мы ничего не нашли. Верно, Анастасия?

— Верно, — поддержала его эксперт. — Я приключения люблю, но не дурацкие.

— Зачем по пустякам-то ссориться? — как-то очень взросло рассудил Найд.

Я поднял руки.

— Хорошо, хорошо, хорошо. Мы сдались.

— Мы не сдались, Денис, — сказал Михаил. — Мы узнали, что этим делом интересуются в самых высоких инстанциях. И убедились, что ничего не упустили при первом осмотре.

— Мальчишки, хватит ссориться, — попросила Анастасия. — Вы меня до дома не подбросите? Я недалеко живу, в Марфино.

— Только Михаила с сыном вначале завезу, — сказал я. — И хоть в Марфино, хоть в Митино... А вас на Переяславку, Михаил?

Квази удивлённо посмотрел на меня. Я ухмыльнулся и пояснил:

— Там служебные квартиры, сам когда-то жил. Садитесь.

Михаил сел рядом, Найд с Анастасией на заднее сиденье. Я вёл машину и слушал их разговор.

— Давай знакомиться, — предложила девушка. — Меня можешь звать просто Настя.

— Меня — Найд.

— Это, наверное, значит «найдёнш»?

Всё-таки удивительное поколение. Я бы постеснялся так в лоб спрашивать, тем более ребёнка. А Найд к вопросу отнёсся как к должному.

— Точно. Меня папа нашёл, когда был апокалипсис. Ну, тогда он мне папой не был, конечно.

— Понятно, — сказала Анастасия, словно человеческие дети, воспитанные разумными мертвецами, — самое обычное дело. — Так, значит, вы живёте в Питере?

— Зимой в Питере, а летом в деревне, в Репино.

Я покосился на Михаила. Тот сидел спокойно, бесстрастно слушая разговор.

— А там не страшно?

— А я один не хожу, — объяснил Найд. — У меня друзья есть, квази.

— Мальчишки? — Голос Анастасии дрогнул.

— Ну, мальчишки... и девчонки. Им на самом деле уже много лет, но они... ну...

— Понимаю, — мягко сказала Анастасия.

Я чуть сильнее, чем надо, нажал на тормоз, машина резко затормозила перед светофором. Сказал:

— Извините.

— Мне тоже очень жаль детей-квази, — сказал негромко Михаил. — Беда не в том, что они не развиваются физически, хотя это тоже печально. Но они, как и взрослые квази, односторонни. Как правило, им интересны только детские занятия. Игры. И это та вечность, к которой они приговорены.

— Никто не доказал, что вы будете существовать вечно, — заметил я.

— Конечно, Денис. Конечно. Но мёртвые не стареют.

— В этом доме? — спросил я, останавливаясь.

— Пятнадцатый, — кивнул Михаил. — Да, здесь. Спасибо, напарник. Найд!

— Сейчас! — отозвался Найд. Он что-то показывал Анастасии на планшете. — Вот наш клан. «Не-мёртвые», через дефис. Ты не думай, у нас там полно живых. Я, ещё один мальчишка из Калуги, дядька из Варшавы...

— Найд, я не очень люблю танковые сражения, — рассмеялась Анастасия. — Но спасибо...

— Да ты попробуй!

— Найд! — громче повторил Михаил. Открыл дверцу, выбрался из машины. Протянул мне руку.

Я молча пожал горячую ладонь.

Как бы там ни было, этот старый мёртвый полицейский спас человеческого ребёнка. И значит, он оставался моим коллегой. Даже в смерти.

Некоторое время мы ехали молча, потом Анастасия спросила:

— Вы с ним поладили?

— Нормально работает, — ответил я.

— Да я про другое, Денис. Все знают, что вы восставших не любите.

— Он — квази.

— Конечно, это совсем другое дело, — сказала Анастасия. То ли серьёзно, то ли с иронией. Не поймёшь их, молодых.

Жила Анастасия в старом, наверное, ещё при Советском Союзе построенном доме. Большой тихий двор, в беседке сидела компания молодёжи, слышался негромкий смех и разговоры.

Я остановил машину, заглушил мотор.

— Спасибо, Денис, — сказала Анастасия. — А то мой кот заждался.

— В смысле — животное? — уточнил я.

— Знаете, а вы мне иногда напоминаете квази, — сказала Анастасия, помолчав. — Да, домашнее животное, породы кошачьих. Я одна живу, мама и брат... они отдельно.

— Хорошо, когда кто-то есть, пусть даже отдельно, — сказал я. — Извини, хотел

пошутить, а вышло глупо.

Анастасия улыбнулась.

— А хотите выпить чая?

Я подумал секунду и кивнул:

— Да. На самом деле — очень хочу. А вы тоже хотите?

— Давай на «ты»? — предложила Анастасия. Посмотрела мне в глаза. — Да, хочу. Давно уже.

Я открыл бардачок и достал термос. Открутил крышку, налил чай.

— Давай на «ты». Держи! Только стакан один куда-то затерялся, придётся по очереди.

— Нет, — сказала Анастасия дрогнувшим голосом. — Ты все-таки не квази. Ты какая-то особая порода, Денис Симонов.

Она открыла дверь и вышла из машины. Я посидел, глотая тёплый чай и глядя на дом. Вот зажегся свет — на пятом этаже.

— На работе я пью только чай, — сказал я вслух, завинтил термос обратно и завёл машину.

Не стоит ждать от жизни слишком многого. Тогда меньше придётся разочаровываться.

Глава третья

Актёр и Приют

Михаил стоял у внутреннего барьера и внимательно смотрел на тёмные башни Химок. Большинство домов давным-давно стояли с выбитыми окнами, потемневшие и облупившиеся. Но кое-где в рамках поблёскивали стекла. Я знал, что ночами там даже горит свет.

Барьер на МКАДе двойной. С внутренней стороны дороги и с внешней. Поначалу по МКАДу даже не ездили. Тогда он был ещё не именем собственным, а аббревиатурой. МКАД — Московская кольцевая автодорога.

Потом, когда всё более-менее устаканилось, движение по двум полосам всё-таки открыли. В основном для грузового транспорта, ну и по спецпропускам. Режиму безопасности это не мешало, наоборот. Я слышал, что пару раз какие-то особо ловкие восставшие проникали за внешний барьер — и их с удовольствием размазывали по асфальту водители грузовиков.

Но последнее время на московский периметр никто не нападал. Поселения квази за МКАДом задерживали восставших и отводили в резервации. Впрочем, пулемётные гнезда на вышках, сооружённых на фундаментах старых надземных переходов через МКАД, остались. И пограничники с собаками — тоже.

Но сами барьеры, которые второпях сооружали из решёток и колючей проволоки, превращать в неприступные стены не стали. Не оказалось в этом нужды. Так что через двойные решетчатые заборы, между которыми лежали десять полос автодороги, прекрасно просматривалось Замкадьё — обитель квази и восставших.

Ну и некоторых особо упёртых людей.

— Там, в Химках, большая община, — сказал я. — К примеру, в тех двух высотках, видишь? Начиная с пятого этажа — все жилые. У них и электричество от Москвы подведено. И по отдельным зданиям тоже есть общины. Живут как-то. От восставших отбиваются помаленьку, помощи не просят. Ну и там старая трасса на Питер и к аэропорту, хорошо, что рядом люди живут...

— Я знаю, — сказал Михаил. — Мы приглядываем за этой общиной. Восставшие чувят людей и идут к Химкам со всех сторон. Мы их перехватываем. Всем польза — восставшие попадают в резервации, нам меньше хлопот с поисками, Москве — меньше нападений.

— То есть вы ловите восставших на жителей Химок? Как на живца? — поразился я.

— Ну да. Мы за всеми человеческими общинами в провинции приглядываем и помогаем. По мере сил.

Я неохотно кивнул. Разумная политика, что спорить.

— Мне кажется, что сейчас эти барьеры работают в большей мере в обратную сторону, — предположил Михаил. — Не позволяют людям выходить наружу.

— Ну зачем же кому-то выходить из безопасного города? — деланно удивился я.

Михаил искоса посмотрел на меня, сказал:

— У людей разные интересы. Говорят, некоторые выходят из Москвы и устраивают сафари. Охотятся на восставших. Не слышал?

— Доходили какие-то слухи, — кивнул я, глядя на Замкадьё. — Ты же сам сказал, у

людей разные интересы. Если человек хочет — он всегда найдёт способ удовлетворить своё хобби.

Михаил кивнул и продолжать не стал.

Я тоже сменил тему разговора:

— Нормально вчера устроились?

— Да, неплохо. Найд нашёл в квартире старый аквариум. Хочет завести рыбок... Денис, почему ты думаешь, что они поедут здесь?

— Он поедет через ленинградский пропускник, — сказал я, проигнорировав «они». — Вот увидишь.

— Но почему? Поездка в Питер на машине — хороший предлог, можно пристать к каравану, а потом съехать с дороги... но у Москвы десять выездов.

— Пойдём, — сказал я. — Вон машина, похожая на ориентировку...

Михаил ещё раз посмотрел на Замкадьё. Пробормотал:

— Очень странно видеть всё это с другой стороны...

Мы спустились с насыпи к площадке перед пропускником, где как раз заканчивали формировать полуденный караван на Питер. По спецразрешению можно было выехать и в одиночку, но дураков в Москве мало. Все предпочитали выезжать группами — в восемь утра, в полдень, в шесть вечера. Четыре стареньких колесных БТР охраны, машина «скорой помощи» и две бронированные полицейские машины должны были сопровождать целую кавалькаду — полсотни фур и три десятка легковушек.

То, что между Москвой и Питером существовало автомобильное сообщение, объяснялось отчасти традицией, отчасти сохранившимися вдоль трассы человеческими поселениями (через большую часть, конечно, проходила железная дорога), а отчасти — человеческим упрямством. Никаким восставшим нас не запугать.

Сейчас все, готовящиеся к выезду, стояли на бетонированной площадке, когда-то бывшей парковкой огромного молла. Скучающие дежурные ходили между машинами, бегло оглядывая шины, проверяя, залит ли полный бак бензина.

— Вон тот белый седан «рено» на краю площадки, — сказал я.

— Да, номер сходится, — подтвердил Михаил.

Я с такого расстояния номера разглядеть не мог. Обидно, что у мёртвого зрение лучше, чем у меня.

Мы прошагали мимо дальнобойщиков, суровых ребят с табельными мачете на поясах, и подошли к старой «реношке». Дальнобойщики поглядывали на Михаила — неприязненно, но молча. Водитель «рено» курил, ожидая осмотра машины. Выглядел он совершенно спокойным, даже умиротворённым. Полноватый дядька лет сорока, с залысиной и рыхлым лицом.

— Альберт Ефремович! — позвал я.

Мужчина обернулся, посмотрел на меня. Кивнул. Он меня знал, и я его тоже. Спокойствие и умиротворённость покинули лицо мужчины, сменившись усталостью и безнадёжностью.

Нет, честное слово. Настолько разительная смена эмоций — только актёр мог бы и изобразить. Потом мужчина посмотрел на Михаила — и к его выражению лица добавилась ещё и тоска. Актёр!

Впрочем, Альберт Ефремович и был актёром МХАТа. Ведущим актёром.

— Далеко собрались? — спросил я.

Альберт Ефремович бросил и затоптал сигарету. Сказал досадливо:

— Эх, ну что вам не сидится, товарищ капитан? Неужто дел в городе мало?

— Альберт Ефремович... — сказал я укоризненно.

— В Питер, — безнадежно, но упрямо сказал мужчина.

Я заглянул в машину. Нахмурился.

— А маму одну оставили? Она же хворала у вас последний год...

Альберт Ефремович вздохнул.

— Не надо, товарищ капитан.

— Симонов моя фамилия, — подсказал я. — Откройте багажник.

— Помню, что Симонов, — сказал мужчина. — Слушайте, а давайте как в старом телешоу? Я вам контрамарку на премьеру — а вы не открываете багажник?

— Альберт Ефремович... — сказал я. — Вы великий актёр. И человек хороший. Но сейчас вы поступаете неправильно.

И тут из его глаз покатались слёзы. Непритворные. Он подошёл к багажнику, открыл его.

Я заглянул внутрь. Там лежали одеяла — и под ними что-то слегка шевелилось.

— Лучше я, — внезапно сказал Михаил и потянулся к одеялам.

Но актёр его опередил. Наверное, ему было неприятно, что это сделает кто-то другой. Он резко наклонился и сдёрнул одеяло.

Старушку-мать Альберт Ефремович связал, очевидно, сразу после смерти. Связал очень крепко, по рукам и ногам.

Но восставшие, когда они чувят рядом человеческую плоть, проявляют удивительное упорство и находчивость.

У старушки и зубов-то почти не оставалось в её восемьдесят пять лет. Но она всё-таки перегрызла-пережевала крепкую верёвку. И стоило сыну сдёрнуть одеяло — одним рывком приподнялась, вцепилась ему в руку, тряся жиденькими седыми прядками волос, принялась грызть.

Актёр завопил. Он стоял, оцепенев, и кричал — а старушка с урчанием жевала его запястье.

Первым опомнился Михаил.

— Отпусти его, — сказал он. — Отпусти. Отпусти!

Я нащупал на поясе ножны, но доставать мачете не стал. Михаил склонился над старушкой и смотрел ей в глаза. Актёр кричал, не делая попыток вырваться. Со всех сторон к нам бежали люди — и дежурные с дубинками, и охрана, достающая пистолеты, и дальнобойщики с мачете...

Выбирать приходилось быстро. Я выхватил одной рукой пистолет, другой — корочки, которые поднял вверх. Выстрелил в воздух и крикнул:

— Всем стоять! Не приближаться! Полиция! Ситуация под контролем! Всем стоять!

— Отпусти! — громовым голосом сказал Михаил.

Старушка выпустила окровавленную руку Альберта Ефремовича и, издавая хнычущие звуки, улеглась обратно в багажник. Михаил достал из кармана пластиковые хомутики и быстро стянул ей руки. Потом всунул в рот пластиковый кляп и завязал шнурки-фиксаторы.

Восставшая ему не противилась. Они не всегда подчиняются квази, могут и взбунтоваться, но для этого их должно быть много.

Актёр рыдал, баюкая руку.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Ну укусила. Ничего страшного. Вы же знаете, что

зараза так не передаётся. Точнее — она и без того во всех есть. Пока непомрёте — не восстанете.

— Я хотел её спасти... — прошептал актёр. — У нас дача... в Клинском районе...

— Знаю, — сказал я. — Потому вас тут и ждал. Что вы собирались делать?

— Жить, — безнадёжно сказал актёр. — Дождаться... пока мама возвысится...

— Это может занять десятилетия, — мрачно сказал я. — А может, и не все возвышаются. Мы же не знаем до сих пор ни черта... Но дело не в этом, Альберт Ефремович. Имеется документально зафиксированная воля вашей матушки...

Нас уже окружили со всех сторон. Но Михаил захлопнул багажник, а его ледяное спокойствие остудило горячие головы... как и мой пистолет, наверное. Подошёл молодой парень, врач из «скорой». Косясь на багажник, открыл свой докторский чемоданчик и принялся обрабатывать актёру руку. Он, кажется, не узнал Альберта Ефремовича. Куда катится мир! Лучший Гамлет последнего десятилетия, ему в Лондоне рукоплескали, а королева-квази наградила рыцарским званием!

— Я не хочу, чтобы она уходила... насовсем... — прошептал актёр. Из него будто воздух выпустили, он весь как-то сдулся, даже ростом меньше стал. — Я так её люблю...

— Это её воля, — сказал я мягко. — Она хотела умереть по-христиански. Мы отвезём её в храм... там всё сделают. Всё, что положено.

— Вы тоже верующий, да? — с тоской спросил Альберт Ефремович. — Ну скажите мне тогда, что она права! Скажите, что так надо, что её ждёт жизнь вечная...

— Я неверующий, — ответил я. — И что кого ждёт — не мне судить. Но в моём завещании указана кремация.

— Знаете, а я вашего князя Мышкина люблю, — неожиданно сказал Михаил. — Больше всех других ролей. Критики Гамлета превозносят, Кутузова, Путина... А я восхищаюсь Мышкиным.

— Правда? — поразился актёр и посмотрел на Михаила с интересом. — Вы не врётё? Меня за эту роль только ленивый не ругал...

Доктор закончил перевязывать ему руку, рана была пустяковая, и отошёл. Видимо, на крепкой верёвке старушкины зубы окончательно затупились.

— Мы, квази, не врём, — мягко сказал Михаил. — Пойдёмте, Альберт Ефремович. Нам нужно будет составить вашу явку с повинной. Я думаю, что удастся отделаться штрафом за нарушение воли покойной. Нервный срыв, вы человек эмоциональный, тонкой душевной организации...

Приобняв актёра за плечи, он повёл того к нашей машине. Я остался караулить «рено» с восставшей в багажнике. Люди помаленьку расходились, только сержант-полицейский всё вертел в руках моё удостоверение и хмурился. Хотелось ему к чему-нибудь придраться...

Я присел на багажник, посмотрел на мелкие пятнышки крови на асфальте. Затёр их подошвой.

Надеюсь, Михаил догадается попросить контрамарку.

В магазине спортивных товаров не было бейсбольных бит. Зато там был ледоруб.

Восставшего я ударил по голове раз десять, хотя уже после второго удара он рухнул и разжал зубы. Ольга даже не стала дожидаться, пока восставший перестанет дёргаться на асфальте, открыла бутылку минералки и стала промывать рану. Кровь шла обильно, от газированной воды пенилась, и казалось, что её вытекло какое-то чудовищное количество.

У восставшего из расколотого черепа вылезли сероватые мозги и сочилась густая тёмная жидкость, на кровь не очень-то и похожая.

— Мне конец, — сказала Ольга. — Мне конец, Денис.

У неё даже голос не дрожал. Она отбросила бутылку, достала пузырёк перекиси и опрокинула над раной. Сказала:

— Надо было не снимать куртку. Надо было не снимать...

Восставший напал на нас совершенно неожиданно, едва мы вышли из магазина. Спрыгнул с балкона третьего этажа, судя по хрусту — сломав ноги, но до Ольги дотянулся. И сразу же впился ей в руку. Густая чёрная шевелюра, острая борода — он изрядно походил на Троцкого, вот только курносый, совсем не еврейский нос мешал сходству. Если бы он не укусил Ольгу, я бы непременно отметил иронию судьбы, что привела этого человека к окончательной смерти от ледоруба...

— Оля, перестань, — сказал я. — Мы не знаем, как передаётся эта зараза. Помнишь того парня, на заправке? Он же явно был укушен, он врал, что это порез. И ничего, живой, только сволочь...

— Значит, не сразу, — ответила Ольга. — Значит, пройдет какое-то время и я превращусь в монстра.

— Мы не знаем! — крикнул я ей в лицо. — Мы ничего не знаем! Мне лицо залило кровью того покойника! И на губы попало, да, попало! Если это был вирус в крови — я бы заразился!

— Может, он должен попасть в кровь? Как СПИД? Может, не сразу действует...

— Мы не знаем, Оля, — повторил я. — Мы ничего не знаем...

Тело на асфальте вздрогнуло. Чуть-чуть шевельнулось. Я отступил на шаг, посмотрел, и меня передёрнуло от омерзения — сероватые сгустки мозгов втягивались обратно в проломленный череп. Этого не могло быть, это противоречило всей человеческой физиологии, но мозги, будто черви, вползали обратно. Сломанная и неестественно выгнутая нога восставшего дёрнулась и медленно приняла вполне нормальное положение.

— Ты видишь? — спросил я.

— Он восстанавливается, — прошептала Ольга. — Эта тварь оживает!

Я вынул нож:

— Похоже, есть только один надёжный способ — отрезать голову.

— Давай я, — сказала Ольга.

— Мне тоже надо учиться, — покачал я головой. — Залей рану ещё чем-нибудь. Антисептиком посыпь. И перевяжи. А я с этим разберусь...

Ольга спорить не стала. Внимательно оглядела улицу (я заметил, что теперь она осматривает и балконы, и крыши). Сказала:

— Хорошо. А потом ты понесёшь сына. Если я... лучше, чтобы он был у тебя.

Мы обедали в пирожковой «Пир Пирата» в торговом центре на Третьем кольце. Пирожковая была заточена под семейный отдых, основными посетителями тут были родители с детьми, посмотревшие кино и решившие перекусить перед походом за продуктами. Обстановка была соответствующая — пиратская. И роспись на стенах, и лестницы-канаты под потолком, и нос старинного корабля, вылезавший из стены и вытянувшийся бушприт на ползала... Раскрашенный под капитана Джека Воробья аниматор развлекал несовершеннолетнюю публику. В общем — не то место, где полицейский дознаватель в форме и пожилой квази в старомодном костюме смотрятя завсегдатаями.

Скажу честно — мы скорее выглядели как аниматоры, готовящиеся сменить самого невезучего и самого обаятельного из пиратов.

Но тут были самые лучшие пирожки в Москве. И я, наплевав на условности, привёз сюда Михаила, когда тот предложил пообедать.

Обслуживали нас корректно. Москва, конечно, не Питер. И не толерантный Париж или Лондон, где квази — как грязи. Но и у нас с топорами за квази никто не гоняется.

Я заказал пирожки с мясом и горячий бульон. Михаил — картофельные и капустные пирожки, после чего поинтересовался:

— Там точно не будет животных белков?

— Жарим на растительном масле, — ответила жующая жвачку молоденькая «пиратка» — официантка с затейливым пирсингом на щеке: сотней, не меньше, крошечных светодиодов. Когда девушка говорила, светодиоды вспыхивали, рисуя абстрактные узоры. — Квази их любят.

— Бери-бери. Разве что червячок в капусте попадётся, — сказал я.

— Червячка я как-нибудь переживу, — ответил Михаил.

Официантка возмущённо посмотрела на меня:

— Нет у нас червячков в капусте.

Светодиоды на её щеке окрасились красным и запульсировали.

— Я шучу, — извинился я. — Шикарный пирсинг.

— Спасибо. — Она снова посмотрела на Михаила. Щека окрасилась зелёным и розовым. — Возьмите овощной взвар. Очень вкусно. Даже не вегетарианцы берут.

Михаил взял.

Сейчас мы съели по первому пирожку, Михаил одобрительно кивнул, я размышлял, будет ли уместно выпить пива. Решил, что всё-таки нет, но пообещал себе взять реванш вечером.

— Это хорошее место, да? — спросил Михаил, оглядывая зал. Дети галдели, родители ели. Большинство взрослых пили пиво. Оно тут очень неплохое.

— Для родителей с детьми — идеальное, если ты об этом, — сказал я.

— Спасибо. Да, я об этом. — Михаил помолчал, вращая пальцами стакан на столе. — Мне довольно трудно быть отцом живому ребёнку, Денис. Те вещи, которые вы, живые, понимаете интуитивно, мне приходится постигать логически.

— А у тебя своих не было? — спросил я.

— Был сын, была дочь, — коротко ответил Михаил, и я понял, что их уже нет. — Но очень давно. Мне и дедушкой-то быть поздно.

— Тебе в земле пора лежать, — очень невежливо сказал я.

— Ну да. Однако мир изменился... Так вот, спасибо. Мне порой трудно понять, что ребёнку хорошо, а что — нет... У тебя ведь был сын?

— Да. Погиб в самом начале...

— Соболезную.

Я кивнул. За его словами не могло быть настоящих чувств, и Михаил знал, что я это знаю, но он всё же счёл нужным это сказать...

— Ровесник Найда, — сказал я. — Был бы ровесник. Только он в Ольгу пошёл, в жену... совсем светленький. Ему и года не исполнилось... А зачем ты изображаешь из себя отца мальчику? Ты ведь его не любишь. Нет, я понимаю, ты его спас во время катастрофы. Но потом? Почему не передал в человеческую семью на усыновление?

Михаил ответил не сразу.

— Кто такой хороший полицейский, Денис?

Я пожал плечами.

— Ну я, например.

— А без шуток?

— Ну, есть основные принципы, — сказал я. — Защищать людей. Не брать взятки. Руки с мылом мыть перед едой.

Михаил кивнул:

— Тоже годится. Но основное — справедливость. Хороший полицейский не может предотвратить все преступления и исправить все ошибки. Но он должен добиваться того, чтобы справедливость восторжествовала. Хотя бы в том, что зависит от него.

— Допустим, — сказал я. — Ты хороший полицейский, надеюсь, что и я тоже. А при чём тут мальчик Найд?

— Справедливость заключается в том, — рассудительно, будто ребёнку, объяснил Михаил, — чтобы я был ему отцом. Насколько могу — хорошим отцом. И то, что я не могу по-настоящему его любить, ничего не меняет, поскольку я должен стремиться к справедливости.

Я посмотрел на него и покачал головой:

— Жаль, Михаил, что ты не человек. Мы бы могли подружиться.

— А мы и так уже подружились, — ответил квази.

Я засмеялся и глотнул бульона.

— Нет, извини. Ты мой напарник, так сложилось. Ты хороший полицейский, я хороший полицейский, и это накладывает свой отпечаток. Но мы не друзья и никогда ими не станем. Точно так же, как ты не можешь стать Найду настоящим отцом.

Михаил задумался.

— Это неправильно. Найд считает меня отцом. А ты можешь считать меня другом. В чём разница, если я веду себя как хороший отец и хороший друг?

Я почесал затылок, вздохнул.

— Блин, хороший вопрос, как бы тебе ответить...

Джек Воробей суетился у соседнего столика, пытаясь вовлечь толстого веснушчатого мальчишку в игру. Пацан не втягивался. Ему хотелось есть пирожки. Я взял со стола салфетку, аккуратно скомкал и запустил Джеку Воробью в затылок. Аниматор начал озираться в поисках агрессора. Толстяк, видевший моё движение, захихикал. Я заговорщицки подмигнул мальчишке, тот подмигнул мне. Джек Воробей, утратив к нему интерес, двинулся по залу, явно выслеживая напавшего на него шалопаю.

— Это не было хорошим поступком, — укоризненно сказал Михаил.

Я промолчал.

— Твои действия должны были мне что-то продемонстрировать и привести к пониманию моей неполноценности, — продолжал Михаил задумчиво. — Я подумаю. Но ты всё равно не прав.

Я махнул рукой:

— Оставь, Михаил. Будем считать, что ты меня переспорил и победил. А Найда сюда приведи. На следующей неделе как раз начнутся девятые «Пираты», дети их обожают. Говорят, правда, что Джонни Депп там почти не играет, он как стал квази, так очень разборчив в ролях, в основном его компьютерный аватар. Но какая разница, если он ведёт

себя точно так же, как настоящий?

Михаил жевал бутерброд, размышляя о чём-то. Потом спросил:

— Скажи, то, чем мы занимались всё утро, это и есть твоя основная работа?

— Это ещё самая интересная её часть, — признался я.

— Ты заслуживаешь большего, — сказал Михаил с укоризной. — Ты хороший полицейский.

— Ну, так если заслуживаю и если мы друзья — колись, — предложил я. — Зачем ты прибыл в Москву, что расследуешь на самом деле.

— Это всё очень сложно, — ответил Михаил.

— А ты как-нибудь простенько.

Михаил колебался. Кажется, он и впрямь был готов к какой-то откровенности.

И тут у меня заиграл телефон.

— Как я ненавижу сотовую связь! — воскликнул я, доставая трубку. — И начальство!

Только на вызов царицы у меня стояла старая песня «Наша служба и опасна, и трудна».

— Михаил рядом? — спросила она, не здороваясь.

— Да...

— Дуйте к храму, быстро!

— Какому храму? — не понял я.

— К большому! Где приют Лазаря Вифанийского!

Связь прервалась.

— По коням, — сказал я, вставая. — Пирожки дожуёшь по дороге.

— Что случилось? — спросил Михаил, вставая.

— Не знаю. Но какая-то гадость, нутром чую.

Всем традиционным религиям случившееся десять лет назад сильно подпортило карму. Трудно говорить про «чаю воскресения мёртвых», когда ожившие покойники ходят вокруг и пытаются тебя сожрать. Невозможно обещать гурий в раю, когда мёртвому хочется гурий сожрать. И с сансарой как-то неудобно получается, разве что признать наш мир миром голодных духов.

Но человек — существо гибкое, а вера его — ещё гибче.

Все приспособились. Так или иначе.

И с миром восставших и квази тоже стали взаимодействовать.

Так или иначе.

Под храмом Христа Спасителя, где когда-то были авгостоянки, зал церковных соборов и трапезные залы, десять лет назад открылся огромный госпиталь. Поначалу там пытались лечить восставших. В том числе молитвами и святой водой, если уж честно. А потом... потом госпиталь превратился в приют Лазаря Вифанийского, где содержались и содержатся восставшие. Те, у кого остались родственники среди людей.

Родственники, желающие держать своих восставших поблизости, а не отдавать их квази.

И готовые за это платить. Или скажем деликатнее — делать пожертвования храму.

Сейчас там было, наверное, тысячи полторы восставших. Опасное заведение, но оно уже стало частью городской традиции, да и церковь крепко за него держалась, как за визитную карточку своих добрых дел. Поэтому у приюта помимо врачей и санитаров была хорошая охрана (а также, по слухам, система экстренного затопления, способная за полторы минуты превратить храм в бассейн).

На полпути мы влипли в затор. На полноценную пробку он не тянул, но мы едва ползли. Я мрачно смотрел на велосипедистов, едущих по своим велодорожкам, и вспоминал, что раньше тут было четыре полосы для автомобилей, а не две. Очень хотелось достать из бардачка сирену, прилепить на крышу и рвануть, распугивая велосипедистов.

Но Даулетдинова сказала «быстро», а не «немедленно». Так что за такую инициативу я рисковал получить изрядный нагоняй.

Что же могло случиться в приюте?

Самое вероятное — восставшие вырвались на свободу. Но как это могло произойти? Там работают опытные смотрители.

Восставшие схватили кого-то? Ерунда, уж если схватили — так сразу растерзали, и весь вопрос в том, восстанет их обед из мёртвых или не сможет возродиться. Существовал определённый уровень повреждений тела, после которого человек не восставал. В первую очередь, конечно, должен был сохраниться мозг. Ну и тело хотя бы процентов на сорок-пятьдесят. Без сердца и лёгких восставали редко, хотя случалось всякое. Существовала даже инструкция о том, как отбиваться от восставших в безнадёжной ситуации: для того, чтобы восстать, и для того, чтобы не восстать... Для желающих продлить земное существование советы сводились к тому, что надо как можно быстрее умереть от потери крови, подставляя нападающим для укусов крупные артерии. Мёртвых восставшие уже не глодали, почти мгновенно утрачивали к ним интерес.

Так что же тогда произошло?

Район вокруг храма был уже оцеплен. Чтобы не вступать в пререкания, я бросил машину на набережной, и мы, достав удостоверения, прошли сквозь оцепление.

У самого храма нас остановила вторая цепь — и тут уже пришлось пререкаться. Мы были не в тех чинах и не из этого района, моя должность дознавателя никого не впечатлила. Но здесь сработала бумажка с печатями, которую достал Михаил.

И у самого храма мы наконец-то увидели знакомые лица.

Как ни странно, это был наш вчерашний собеседник, капитан Владислав Маркин. Ничего себе! Капитан ли он на самом деле, если командует на серьёзном происшествии такой толпой народа? А рядом с ним — наш эксперт, моя несложившаяся партнёрша по чаепитию, Анастасия! Они о чём-то энергично спорили, точнее — спорила Анастасия, а Маркин качал головой и пытался её успокоить.

Судя по тому, что одета Анастасия была совершенно не по форме — блузка и шорты, явилась она не с работы. Я бы даже сказал, что она прибежала прямо из дома в домашней одежде, сменив тапочки на босоножки и даже не глянувшись в зеркало. Для женщины это несомненный подвиг.

Но какого квази она вообще здесь делает? Её работа — пробирки, скальпель и газоанализатор!

— Всё те же лица, — внезапно сказал кто-то, хватая меня за локоть. — Хорошо хоть ребёнка не притащили. Что вы здесь делаете?

Это был пожилой гэбэшник, которого я вчера счёл экспертом вроде Анастасии. Сегодня я уже не был в этом так уверен — на мужчине был бронежилет, а за спиной — короткоствольный дробовик.

— А вы-то? — высвобождая руку, спросил я. — А она-то?

— Она-то понятно, — туманно ответил гэбэшник. — Но вы зачем явились?

— Что происходит? — спросил Михаил.

Поколебавшись, гэбэшник кивнул:

— Идите к шефу. Пусть он объясняет.

Михаил сразу двинулся дальше, а я задержался на секунду, посмотрел гэбэшнику в глаза.

Тот вздохнул и негромко сказал:

— Захват заложников.

В полном недоумении я двинулся следом за квази. Захват? Заложников? Бред! Восставшие не захватывают людей в заложники. Восставшие нас жрут!

При нашем приближении и Анастасия, и Владислав замолчали. Капитан взвёл глаза к небу и даже развёл руками. Анастасия понурилась и отвела взгляд.

— Доброе утро, капитан Маркин, — сказал Михаил. — Что происходит?

— Всем хотелось бы знать, — ответил капитан. — Но это закрытая информация.

— Слушайте, Маркин. — Я оттеснил Михаила. — Здесь захват заложников, понимаю, это ваша прерогатива. Но, черт возьми, как?

— Откуда вы знаете? — резко спросил капитан.

— Птичка на хвосте принесла.

— Я этой птичке клюв начищу, — выругался Маркин. — Да, это наш вопрос, покиньте зону оцепления. Не заставляйте выводить вас силой.

— Это Виктория! — выкрикнула Анастасия. — Это Виктория, Михаил! Она захватила заложников!

— Квази захватила людей в заложники? — судя по всему, Михаил был шокирован.

— Восставших! — резко сказал Маркин. — Ваша психованная беглая квази напала на приют. Она освободила восставших, а людей выпустила.

— Всех? — уточнил я.

— Да, всех, — мрачно сказал Маркин.

— Ну так всё решается очень просто, — обрадовался я. — Про систему затопления не врут? Или ядовитый газ, разъедающий мёртвую плоть?

Анастасия почему-то посмотрела на меня очень недобрый взглядом. Михаил вздохнул и ответил вместо Маркина:

— Врут, конечно. Там не затопление и не газ. Там магнетроны. Весь приют — одна огромная микроволновка.

Я обалдел. Никогда не подозревал, что церковь настолько идёт в ногу со временем. Магнетроны! Ёшкин кот!

— Да не верю! — воскликнул я невольно.

— Это из старых военных запасов, — холодно сказал Михаил. — Разрабатывали какое-то оружие на страх супостатам. В боевых условиях против живой и мёртвой силы оказалось не очень эффективно, это больше рассчитано на технику. Но кто-то додумался использовать как системы безопасности в институтах, изучающих восставших, и к... — Он неприязненно посмотрел на Маркина и не закончил фразу. С тем же осуждением в голосе добавил: — Конечно, церковь тоже для своей лечебницы выпросила.

— Церковь ничего не выпрашивает, Михаил, — мягко поправили его. — Церковь просит.

Поп подошёл неслышно, будто опытный спецназовец. Да он такое впечатление и производил — немолодой, но очень крепкий, без свойственной попам полноты.

Одет он был в рясу неожиданно белого цвета. Я как-то привык к тому, что наши попы ходят в чёрном. Хотя у них вроде есть какое-то белое духовенство и какое-то чёрное... может, в этом дело.

— Включайте свои магнетроны, отче, — как можно вежливее сказал я. — И пусть Господь упокоит несчастных. Он их уж заждался, полагаю.

Священник мягко улыбнулся, будто я был ребёнком, сморозившим чушь.

— Ваше Высокопреподобие, — сказал Маркин, — извините, их сейчас уведут...

— Не надо, Слава, — сказал поп.

Ух ты! Да они знакомы, похоже!

— Протоиерей Пётр Меленков? — спросил неожиданно Михаил. — Руководитель седьмой канцелярии?

— Бедренец Михаил Иванович? Особый инспектор Представителя? — тепло спросил поп.

Я почувствовал себя лишним.

И поэтому немедленно вклинился в разговор:

— Простите, что вмешиваюсь. Я, конечно, простой полицей, в высоких материях не силён. Но с каких пор квази могут шантажировать людей, взяв в заложники восставших?

Михаил, Пётр, Владислав и Анастасия молча уставились на меня.

Почему-то мне стало неудобно.

— Я имею в виду, что не станет же она их убивать, — сказал я. — Квази относятся к восставшим как к детям. Это всем известно!

— Есть люди, которых ничуть не смутит необходимость убить ребёнка, — сухо ответил Владислав.

— Ладно, допустим, — неохотно сказал я. — Эта Виктория — совершенно психованная... даже для квази. Извините, Михаил. Допустим. Но мы не ведём переговоров с террористами. Квази — так квази, восставшие — так восставшие. Почему спецназ не начинает... э...

— Не начинает что? — ласково спросил Протоиерей. — Освобождение заложников?

— Да, глупость сморозил, — честно признал я.

И впрямь. Как освободить полторы тысячи восставших, мечтающих сожрать своих освободителей? Они и сами по себе смертельно опасны, это ведь не новенькие, неуклюжие восставшие, эти просидели в заточении десятков лет, они быстры и неутомимы, их очень трудно убить. А уж когда их направляет воля квази, то отправлять в подвалы храма спецназ — это только кормить восставших.

— Тогда уж простите, но вот вам мнение простого полицейского, — сказал я. — Включайте магнетроны. Пока эта сволочь не бросила восставших на штурм. Это чахлае оцепление, — я демонстративно огляделся, — полторы тысячи хорошо выдержанных восставших не удержит. Вы даже огнемёты не подтянули, даже танки! Мы рискуем получить вспышку в центре Москвы. Вспышку первой категории!

Я понимал, почему вокруг нет бронемашин и сотен солдат. Паника в центре Москвы — это не шутка. Я только ждал, когда они начнут возражать и объяснять, в чём я не прав. А они почему-то молчали. Все. И поп в белой рясе, и наглый госбезопасник, и квази. Только Анастасия почему-то всхлипнула.

— Он прав, — неожиданно сказал Михаил. — К моему глубокому сожалению — он прав. Включайте свои магнетроны, Ваше Высокопреподобие.

Лицо Петра исказилось как от боли. Он покачал головой.

— Полторы тысячи душ...

— Когда вы вывели танки своей бригады на МКАД, вы не колебались, полковник

Меленков, — сказал Михаил. — Вы убили сотни тысяч восставших и десятки тысяч людей. Но спасли миллионы живых людей.

Вот тут я понял, кто передо мной, сглотнул и подавил желание вытянуться по стойке «смирно».

Протоиерей покачал головой:

— Полковника Меленкова давно уже нет.

— Но вам придётся его позвать, Ваше Высокопреподобие, — сказал Михаил. — Простите, но это решение принять можете только вы. Я, со стороны квази, готов засвидетельствовать, что это был единственный возможный выход.

— Толик, — сказала вдруг Анастасия. — Моего младшего брата зовут Толик. Ему десять лет. Он... он там. Мама там. И он там. Когда... если он превратится в квази, он все равно останется ребёнком. Навсегда.

Она посмотрела на меня, глаза её были сухими.

— Наверное, Денис прав. Наверное, другого выхода нет.

Вот почему она примчалась к храму. Вот что значили её вчерашние слова про мать и брата, которые «отдельно».

— Вы слышали их мнение, — с каким-то облегчением произнёс Владислав. — Ваше Высокопреподобие, я к нему присоединяюсь.

Я посмотрел на бывшего полковника, чьим именем собирались назвать площадь в центре Москвы, но потом так и не назвали — говорят, по его настоятельной просьбе, человека, которого прочили в президенты, но который внезапно исчез отовсюду. И увидел в его глазах растерянность и страх.

Он боялся. Боялся второй раз совершить то, что однажды уже сделал. Убить полторы тысячи уже мёртвых... лишив их шанса однажды обрести разум и вернуться пусть к искажённой, уродливой, но всё же жизни...

Как в нём все это сочеталось?

Военное прошлое. Уход в религию. Церковная карьера.

И чем же он так нагрешил, что ему вдруг послано такое испытание?

А ещё говорят, что Бог каждому посылает лишь тот крест, который тот может вынести...

— Михаил, ты можешь нейтрализовать влияние Виктории на восставших? — спросил я.

— Мне для этого необходимо оказаться рядом, — ответил он.

— А на расстоянии?

— На расстоянии я смогу сдержать одного-двух... Если она бросит против меня хотя бы десяток — восставшие меня растерзают.

— Она на главном посту охраны, там всё просматривается с камер, — сказал Пётр. Но в голосе его послышалась надежда. — Электропитание автономное, хватит на трое суток.

— Совсем нет возможности подобраться поближе? — очень по-деловому спросил Михаил.

— Можно что-то придумать. Инспектор Бедренец, не стоит ли позвать ещё квази?

— Не все квази одинаково эффективны в управлении восставшими. У вас ведь были квази в персонале?

— Трое, — кивнул Протоиерей.

— Они умели управляться с восставшими. Но они не справились. Нет, Михаил, не будем плодить сущности сверх необходимого.

— Одному тебе всё равно не справиться, — сказал я.

— А я и не сомневался, что ты пойдёшь, — ответил Михаил. — Владислав, вы можете нам с оружием и бронежилетами?

Владислав кивнул. Сказал, сморщившись:

— Но своих людей не дам. У меня прямой запрет на вход в здание...

— Ваших людей не надо, — сказала Анастасия. — Я пойду с ними.

Она обвела нас дерзким взглядом, будто ожидая споров. Но никто не спорил. Владислав только окинул её придирчивым взглядом, будто оценивал требуемый размер бронежилета.

— Ваше... э... высокопреосвященство... — начал я.

— Высокопреподобие, — поправил Пётр. Его лицо расслабилось, стало спокойным и собранным. — Да, конечно. Я пойду с вами, вам нужен проводник. Всё, что можно сделать снаружи, сделает мой помощник.

Хорошо выдержанный восставший — это не полуобглоданный труп, обретший способность двигаться и желание жрать живую плоть. Все съеденные и повреждённые части тела со временем регенерируют. Половину тела восставшие регенерируют за два-три года, если их, конечно, кормить. Это уже не прежняя плоть, она бледно-сероватая, но в принципе и у людей бывает такой цвет кожи. В их жилах медленно течёт густая псевдокровь, в которой нет эритроцитов, но которая прекрасно переносит кислород. В капилляры эта мерзость протиснуться не может, но восставших это не смущает. Если пищи нет — они впадают в летаргическое забытьё, в котором могут находиться годами. Уморить голодом, насколько я знаю, за десять лет так никого и не удалось. Обычно восставшие двигаются медленно, даже не очень координированно, но когда чувят пищу — обретают стремительность движений.

В общем-то они не многим отличаются от квази. Тоже сильны и выносливы. Только разума нет и не вегетарианцы.

Я застегнул бронежилет, поднял и закрепил твёрдый кевларовый воротник. Зарядил дробовик.

Снарядились мы все одинаково. Для противостояния восставшим никто не придумал ничего лучшего, чем многозарядный дробовик с крупной дробью, пистолеты с тупоконечными пулями, имеющими высокий останавливающий эффект, и мачете — как последний довод. Автоматы, гранаты — это всё от лукавого. Огнемёт эффективнее, конечно, но восставшие боли не чувствуют и могут долго сражаться, стораая заживо.

Команда, конечно, у нас собралась удивительная. Протоиерей, квази, полицейский офицер и девушка-эксперт.

— Если бы мы были в компьютерной игре, — сказал я, — то вы могли бы немножко колдовать, Ваше Высокопреподобие.

Протоиерей проверил магазин в дробовике и сухо сказал:

— В компьютерных играх колдуют маги, а священники исцеляют и призывают божественную силу. Насчёт исцеления я вам ничего не гарантирую, а молюсь с утра и так непрестанно.

Признаюсь — я не нашёлся что ответить.

Мы стояли в бойлерной, расположенной где-то на границе между помещениями собственно храма Христа Спасителя и подземными помещениями приюта. Шумела вода в трубах, щелкали какие-то реле. Десяток молчаливых полицейских, караулящих здесь, прятали глаза. Они останутся в относительной безопасности, а мы пойдём навстречу полутора тысячам голодных восставших.

— Эта дверь ведёт в нижнюю бойлерную, а оттуда — в помывочную, — сказал Протоиерей, указывая на крепкую железную дверь, запертую изнутри на замок и внушительный засов. — В помывочной нет видеокамер, нас заметят не сразу.

— Почему нет? — удивился Михаил.

— Настояло общество защиты прав восставших, — объяснил Протоиерей. — Среди пациентов ведь есть несовершеннолетние.

— О Господи, — вздохнул я.

— Если вас утешит, я тоже считаю это глупостью, — ответил Пётр. — Но в данный момент это нам на руку. После помывочного зала мы выйдем в пятое отделение, пройдем мимо палат... — говоря, он водил пальцем по разложенной на шатком пластиковом столике схеме. — Потом лаборатория микробиологии, кухня...

— Кухня? — Меня охватил нервный смех.

— Так её называют. Потом коридор, комнаты персонала и главный пост охраны.

— Скажите, а чего требует Виктория? — поинтересовался Михаил. — То, что она отпустила людей, — обнадеживающий признак. Быть может, если мы пойдём на её условия...

— Она требует вертолёт с заложниками, которым обещает сохранить жизнь и позволить выпрыгнуть с парашютом, личные вещи покойного мужа и три миллиона рублей.

Я присвистнул и покрутил пальцем у виска.

— Да, любопытно, — сказал Михаил задумчиво. — Возможно, у нас тоже бывают психические расстройства. Значит, три миллиона рублей...

— Что-то тут не то, — сказал я. — Идиотское требование в ряду вполне разумных... отвлекает внимание от того, что ей действительно нужно?

— Проще всего будет спросить у неё самой, — сказал Протоиерей. — Идёмте, братья и сёстры.

Михаил двинулся вперёд — и мы не стали с ним спорить.

За железной дверью был короткий коридор. За ним — гулкая железная лестница, ведущая на четыре пролёта вниз. Там — ещё одна дверь.

— С Божьей помощью начнём... — сказал Протоиерей.

Михаил провёл по кодовому замку ключ-картой (нам всем выдали по экземпляру). Замок мигнул зелёным, заблокировать допуск Виктория то ли не смогла, то ли не сочла нужным. Я понадеялся, что не смогла. Потом Михаил осторожно открыл дверь, и мы вошли в ещё одно помещение с трубами и котлами, уменьшенную копию верхней бойлерной.

[Купить полную версию книги](#)